

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

**РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ
ДОГОВОРНЫХ И ВНЕДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В ЭПОХУ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ**

**Всероссийская научно-практическая конференция
(13 мая 2022 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2022

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2022
ISBN 978-5-9694-1197-5

УДК 34.04
ББК 67.0
Р45

Рецензенты:

начальник кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент **С. К. Жилыева**;
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии
МВД России кандидат юридических наук, доцент **К. В. Карпов**

Составитель *А. В. Тумаков*

Р45 **Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы** : Всероссийская научно-практическая конференция, 13 мая 2022 г. : сборник научных трудов / [сост. А. В. Тумаков]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – 98 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1197-5

В сборнике по итогам конференции представлены материалы, анализирующие актуальные проблемы гражданского права и процесса в период реформирования законодательства.

Предназначен для педагогических работников, адъюнктов образовательных организаций МВД России и педагогических работников, аспирантов гражданских высших учебных заведений Минобрнауки России.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Редактор *Абилова Ф. А.*
Компьютерная верстка *Абилова Ф. А.*

Подписано к изданию 17.11.2022
Объем издания: 1,21 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1197-5

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александрина М. А.</i> Современный взгляд на автономию воли в международном частном праве.....	6
<i>Андреанова В. В.</i> Форс-мажорные обстоятельства в договоре и правоприменительной практике	12
<i>Бибикова О. В.</i> Использование электронных доказательств в гражданском судопроизводстве	15
<i>Бирюкова А. В.</i> Управление рисками по договору купли-продажи недвижимости в контексте цифровизации.....	18
<i>Брайцева Е. А.</i> Цифровизация нотариата в современных условиях	20
<i>Ефимова Ю. В.</i> К вопросу о проблемах защиты авторского права в глобальной сети Интернет	23
<i>Иванов А. В.</i> Источники правового регулирования в сфере использования и защиты изображений сотрудников органов внутренних дел в Республике Беларусь: анализ и перспективы	26
<i>Калинченко Ю. П.</i> Гражданско-правовой режим криптовалюты	30
<i>Козлова М. Ю., Кожемякин Д. В., Сергачева О. А.</i> Особенности договоров о предоставлении прав на музейные объекты.....	32
<i>Косолапова К. С.</i> Возможность использования искусственного интеллекта в правовой сфере	36
<i>Кузнецова Е. В.</i> Судебная защита прав участников гражданского оборота в условиях цифровизации отношений.....	39
<i>Кулешова А. Н.</i> Типы нефтяных соглашений между государством и инвестором: преимущества и недостатки	42
<i>Курбакова Д. О.</i> Смарт-контракт в договорных отношениях	46

Литовских В. В.

Проблемы частной охранной организации как субъекта обеспечения безопасности на современном этапе развития общества 49

Луньков А. О.

К вопросу о защите персональных данных владельцев криптовалюты 52

Мальбин Д. А.

Ордер как функциональный субститут доверенности в гражданском процессе 58

Пантюхина Л. А.

Применение технологий искусственного интеллекта в институте социального найма жилого помещения 62

Петраков Н. А.

Природа виртуальной валюты 67

Самойлова А. К.

Новые вызовы и перспективы цифрового права 70

Саяпина Т. С.,

Тенденции цифровизации договорных отношений в гражданском обороте 74

Сергеев К. Б.

Правовые основы противодействия коррупционным преступлениям в области ритуальных услуг 76

Староверова О. В.

Правовое регулирование цифровых финансовых активов и криптовалюты 81

Шаповалов Я. А.

Роль субъектов частного права в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации 84

Шелкович М. Т.

Оценка эффективности отдельных институтов законодательства Российской Федерации 87

Шипулин Г. Ф.

К вопросу об отграничении кражи с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) от общеуголовного мошенничества с использованием информационно-коммуникационных технологий и электронных средств платежа (ст. 159 УК РФ) 90

Шумилова В. В.

Электронные денежные средства и безналичные денежные средства: сравнительно-правовой анализ и отдельные коллизии в понимании терминов 95

*Александрина М. А.¹,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Астраханского филиала
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук*

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА АВТОНОМИЮ ВОЛИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Специфика международного частного права с его трансграничным характером регулируемых отношений обуславливает превалирование задачи определения применимого права к каждому типу частных отношений международного характера и к каждому конкретному отношению, относящемуся к предмету международного частного права. В современных условиях участники отношений активно используют предоставленную им возможность самостоятельно определять применимый правовой порядок. Это – основная составляющая принципа автономии воли.

Автономия воли составляет основу, на которой базируется международное частное право. «Принцип автономии воли сторон в самом общем смысле означает закрепленную в законе возможность сторон выбрать правовой порядок, на основе которого будут урегулированы их отношения» [1, с. 94].

В середине XVI в. идея о допустимости выбора применимого к сделке права самими ее участниками впервые была изложена французским юристом Шарлем Дюмуленом в монографии «*Conclusiones de statutis et consuetudinibus localis*» [10, с. 9]. Он сделал открытие, провозгласив волю сторон господствующей привязкой в области контрактов. Одновременно, Дюмулен отмечал необходимость различать то, что зависит от воли сторон и может ими изменено и то, что всецело зависит от власти закона. До этого решающее значение в научной среде придавалось закону места заключения договора [4, с. 29].

Наиболее точно сформулирован принцип автономии воли в п. 1 ст. 2 Проекта Гаагских принципов о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам: «Договор регулируется правом, выбранным сторонами». Исходя из буквального толкования данного положения, здесь уже не идет речи о возможности выбора, а, напротив, указывается на неизбежность, обязательность выбора сторонами применимого права. Далее в п. 2 ст. 2 Проекта раскрывается содержание принципа: во-первых, сторонам предоставлена возможность выбора права, либо применимого ко всему договору, либо только к его части; во-вторых, стороны могут выбрать различные законы для разных частей контракта. При этом, согласно ст. 3 Проекта, стороны в качестве применимого права могут выбрать нормы права, которые в целом признаются на международном, наднациональном или региональном уровнях как нейтральные и сбалансированные своды правил, за исключением случаев, когда закон суда предусматривает иное [3].

¹ © Александрина М. А., 2022.

Здесь идет речь о нормах, содержащихся в источниках негосударственного характера. Однако, содержание принципа автономии воли не должно исчерпываться возможностью только выбора негосударственных источников. Стороны должны иметь возможность выбирать и нормы, содержащиеся во внутригосударственных нормативных актах, и в международных договорах (конвенциях).

Если мы приходим к выводу, что при такой постановке вопроса стороны лишаются возможности отказаться от автономии воли, т. е. от возможности сделать выбор применимого права к их отношениям, тогда встает проблема действительности договора в случае отсутствия соглашения о выборе права, учитывая, что Гаагские Принципы не предусматривают правил определения применимого права при отсутствии выбора права сторонами (п. 1.14 Введения к проекту Гаагских Принципов). Кроме того, Гаагские Принципы носят рекомендательный характер (п. 1.9 Введения к проекту Гаагских Принципов). Но именно так необходимо формулировать любой правовой принцип. Должна исключаться возможность выхода за рамки правовых принципов, случаи их несоблюдения. Однако допустимо установление определенных пределов и ограничений применения принципов.

И если вернуться к принципу автономии воли, то он находит свою максимальную реализацию именно в сфере международного коммерческого права. Проект Гаагских принципов предусматривает ограничения принципа автономии воли. Прежде всего, здесь имеются ввиду свехимперативные нормы права страны суда (п. 3 Проекта Гаагских принципов).

В п. 1.3 Введения к проекту Гаагских принципов о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам отмечается роль автономии воли в повышении определенности и предсказуемости первичного соглашения сторон контракта. Отмечается, что на данный момент принцип автономии воли признается многими государствами главенствующим и его преимущества значительны. Действительно, это – важный аспект построения содержания международного коммерческого контракта. Но не во всех странах сформировано достаточно эффективное регулирование автономии воли и практика его реализации.

Проблема автономии воли остается дискуссионной, невзирая на то, что предмет полемики является уже не целесообразность самого выбора применимого права во внешнеэкономических сделках, а юридическая природа автономии воли [10, с. 9].

Что же следует включать в содержание автономии воли? По поводу определения применимого права как традиционной составляющей принципа автономии воли споров не возникает. Но встает вопрос о свободе вступления в договорные отношения, о самостоятельности (по согласованию сторон) определения условий и порядка исполнения договора.

Дискуссионным является вопрос о квалификации принципа автономии воли либо как принципа коллизионного права, либо как принципа материального права. Если воспринимать международное частное право либо как самостоятельную отрасль российского права, либо как подотрасль национального гражданского права, то принцип автономии воли наряду с другими принципами данной отрасли следует относить к принципам материального права.

Принцип автономии воли закреплен в национальном праве, в международных актах межгосударственного и негосударственного происхождения.

При этом все чаще субъекты внешнеэкономических отношений обращаются к источникам негосударственного характера, что усиливает фактор автономности по отношению к государственным регуляторам. Соответственно, возрастает значение и без того общепризнанного основным принципа автономии воли.

В последнее время все популярнее становится практика выбора в качестве применимого права к международным коммерческим контрактам систематизированных сводов и правил международной торговли, которые появляются в результате работы международных организаций. Складывается целая система таких источников негосударственного происхождения.

К данной системе относятся: Инкотермс, Правила страхования по условиям института лондонских страховщиков, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, Принципы европейского договорного права, Свод правил европейского договорного страхового права, Принципы Ландо и др. Эти источники не имеют правовой природы, но наделены нормативным зарядом.

В изданных Международной торговой палатой Вненациональных нормах как применимого права к международным контрактам ICC 2015 г., которые основаны на реализации автономной правовой системы *lex mercatoria*, носящей негосударственный характер и предназначенной для регулирования международных контрактов вместо внутреннего законодательства, признается, что стороны имеют возможность выбора вненациональных норм вместо выбора какого-либо национального права: либо одну из проформ ICC, либо делают в контракте оговорку о выборе неправа вместо права (например, Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, Европейских принципов договорного права, Модельных правил европейского частного права).

Следует отметить, что М. В. Мажорина, учитывая определенные трудности в признании национальным правом и судебной практикой возможности применения норм негосударственного характера, поддерживает предложение А. В. Асоскова внести дополнение в п. 1 ст. 1210 ГК РФ, которое позволит сторонам контракта выбрать в качестве применимого права систему норм, не противоречащую основным началам российского гражданского права [7, с. 94]. Таким образом, нашел бы свое закрепление принцип сочетания международного, национального и негосударственного регулирования, а также окончательно закрепился принцип автономии воли в широком его понимании.

Традиционно считается, что *lex mercatoria* выполняет роль субсидиарного регулятора. Но современный взгляд на автономию воли предполагает усиление приоритета названных нейтральных и сбалансированных сводов правил по отношению к национальному праву. И уже ему отводится роль субсидиарного статута.

В международных актах содержание принципа автономии воли трактуется не всегда однозначно. В Регламенте ЕС № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I)» не запрещается сторонам включать посредством отсылки в свой договор негосударственное право или международные договоры (п. 13 Преамбулы) [12]. Употребление термина «негосударствен-

ное право» указывает на расширение возможностей для участников международных частноправовых отношений в выборе источников регулирования. Содержание указанной категории права не ограничено. Исходя из смысла приведенного положения Регламента под негосударственным правом понимаются любые источники, происходящие не от государства или нескольких государств и имеющие необязательный характер. К таким источникам относятся: документы международных организаций, не имеющие обязательной силы; международные обычаи, обыкновения, правила делового оборота; *lex mercatoria*; правила различных сообществ (в том числе, правила платформ сетевого взаимодействия).

Особый интерес представляют нормы *lex mercatoria*, влияние которых на трансграничные торговые отношения «в определенном смысле уникально». А именно: *lex mercatoria* выполняет роль субсидиарного регулятора; иногда «заполняет» пробелы в праве; одновременно, нормы *lex mercatoria* самодостаточны и существенно влияют на формирование правовых норм [8, с. 34].

Высказывается мнение о невозможности рассматривать *lex mercatoria* как нормативную систему, поскольку система его источников недостаточно определена, а границы – нестабильны [8, с. 38]. *Lex mercatoria* выступает в качестве явления в составе международной торговой нормативной системы, которая, в свою очередь, представляет собой подсистему международной нормативной системы. Международная торговая нормативная система состоит из двух подсистем: правовых и внеправовых норм, которые объединены общей целью – регулирование и упорядочение трансграничных торговых отношений. К системе неправовых норм и относится *lex mercatoria*, которая появилась в конце прошлого столетия и наряду с расширением сферы применения торговых обычаев приобретает все большее значение в качестве формы внеправового воздействия [2].

Другой показатель изменения содержания принципа автономии воли – возможность выбора применимого к договору права в целом либо для отдельных его частей (п. 1 ст. 3 Регламента ЕС № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I)»; п. 4 ст. 1210 ГК РФ).

Применение расщепления правового статута сделки не должно ни при каких обстоятельствах повлечь получение противоречивого результата. Применение норм отдельной правовой системы целесообразнее предусмотреть к той части отношений, которая носит в значительной степени автономный характер. В целях исключения возможности появления противоречивых контрактов вследствие применения расщепления договорного статута сделки рекомендуется следование мировой тенденции в международной практике, в соответствии с которой стороны выбирают не конкретную национальную правовую систему в качестве применимого права, а ссылаются на общепринятые принципы и нормы права, на нормы *lex mercatoria*, на международные конвенции специального характера [5, с. 168].

Еще больше возможностей для участников частноправовых отношений в плане автономности регулирования предоставлено законодателем в результате закрепления в п. 5 ст. 1210 ГК РФ правила о допустимости выбора сторонами договора иностранного права в качестве подлежащего применению, когда все

касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной.

Некоторые авторы полагают, что всяческой поддержке подлежит предоставление возможности сторонам выбирать в том числе и нейтральную по отношению к ним правовую систему [6, с. 108].

Максимальное расширение содержания принципа автономии воли ведет к следующим последствиям: с одной стороны, возможности субъектов самостоятельно урегулировать взаимоотношения с учетом их интересов и конкретных обстоятельств в полном объеме, а с другой стороны теория «обхода закона» получает свое практическое воплощение.

Таким образом, наблюдается увеличение возможностей участников отношений в сфере международного частного права и, соответственно, расширяется содержание принципа автономии воли.

Однако, достаточно часто на практике стороны не пользуются этим правом. В ст. 1210 ГК РФ закреплено право сторон выбрать применимое право, но не обязанность. Национальное законодательство и международные договоры предоставляют сторонам возможность использования «молчаливо выраженной» воли, которая означает, что стороны имели ввиду право какого-либо государства в качестве применимого исходя из содержания сделки или из обязательств, сопутствующих ее содержанию. Можно предположить, что такая возможность предусмотрена и российским правом. Однако толкование молчаливо выраженной воли сторон подвержено субъективным факторам [11, с. 4].

Особенно актуальной и непростой представляется проблема определения применимого права к смарт-контрактам. Это связано с адаптированностью известных коллизионных принципов исключительно к традиционным гражданско-правовым договорам. Проблемы определения места заключения смарт-контракта, места исполнения, права страны, с которой он наиболее тесно связан, особенно характерны для такого рода контрактов. Распределительный характер обязательства, содержащегося в смарт-контракте, предполагает применение личного закона каждого из участников в равной мере, а также участника блокчейна [9, с. 176].

На практике стороны смарт-контрактов в соответствии с принципом автономии воли чаще избирают наиболее предпочтительные правовые системы, максимально благоприятные к смарт-контрактам. Но в случае нахождения узлов сети распределительного реестра в зонах действия различных юрисдикций имеет место расщепление договорного статута, что значительно затрудняет выбор применимого права [7, с. 103]. При этом следует учитывать правила сетевых платформ.

В итоге, исходя из характера национально-правовых, международно-правовых источников и сложившейся судебной практики содержание автономии воли может включать широкий объем прав: право выбора применимого национального права (в том числе возможность выбора права любого государства, и даже – к договорам, связанным с одной страной); возможность выбора применимого права не ко всему договору в целом, а для отдельных его частей; возможность не определять применимое право; допустимость исключать применение к конкретным соглашениям любых положений выбранной правовой системы, в том

числе – императивных норм; право выбора в качестве регулятора конкретных отношений наднациональных правовых источников; допустимость подразумеваемого соглашения о применимом праве.

Список литературы

1. Акимова Ю. М. К вопросу о соотношении понятий автономии воли, диспозитивности и свободы договора // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 6. С. 94–97.
2. Вилкова Н. В. Договорное право в международном обороте // URL: http://adhdportal.com/book_3349.html (дата обращения: 20.03.2022).
3. Гаагские принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах от 19 марта 2015 г. // URL: <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73ab0f-cbf2b4057d8f.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).
4. Гетьман-Павлова И. В. Шарль Дюмулен – основоположник теории автономии воли в международном частном праве // Право. Журнал высшей школы экономики. 2009. № 3. С. 21–33.
5. Кириченко В. А. Принцип автономии воли сторон в международном частном праве // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2011. № 4 (55). С. 167–172.
6. Колобов Р. Ю. Новейшие тенденции развития международного частного права России (к принятию Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24) // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4 (87). С. 104–113.
7. Мажорина М. В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 93–107.
8. Мажорина М. В. Право международной торговли и *Lex mercatoria* // Российский юридический журнал. 2010. № 1 (70). С. 33–41.
9. Мажорина М. В., Терентьева Л. В., Шахназаров Б. А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 161–189.
10. Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора, Москва. 2008. С. 9–12.
11. Мещанова М. В. Принцип «автономии воли сторон» в договорах международной купли-продажи товаров // Фундаментальная библиотека БГУ. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/28738/1/16_мещанова.pdf (дата обращения: 22.04.2022).
12. Регламент ЕС № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I)» // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040001> (дата обращения: 22.04.2022).

Андрианова В. В.¹,

доцент кафедры административного и финансового права,

Московского государственного гуманитарно-экономического университета

ФОРС-МАЖОРНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В ДОГОВОРЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В условиях пандемии 2020–2022 г., закрытия границ между странами, когда из-за распространения коронавирусной инфекции были отменены перевозки пассажиров и грузов с целью защиты граждан от заражения, а также в условиях проведения специальной военной операции 2022 г. и санкционных запретов на поставку отдельных видов продукции в страну довольно актуальной темой является регулирование исполнения обязательств в предпринимательской деятельности, рисков при заключении договоров при обстоятельствах непреодолимой силы (форс-мажоре).

При обычных условиях лицо, не исполнившее обязательство, несет ответственность, если не докажет, что это оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, так называемых чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств (ст. 401 «Основания ответственности за нарушение обязательства» ГК РФ) [2]. К ним не относятся, в частности, отсутствие денежных средств, нужных для исполнения товаров на рынке, нарушение обязанностей третьими лицами, и, напротив, относятся эпидемии, стихийные бедствия и военные действия, ограничения перевозок и запретительные меры государств, в том числе запрет на торговые операции с отдельными странами, вследствие принятия международных санкций и иные, не зависящие от воли контрагентов обстоятельства.

Обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор) – это непредвиденные и непредотвратимые обстоятельства, которые нельзя было разумно ожидать при заключении договора, нельзя избежать или преодолеть, они находятся вне контроля сторон контракта.

К форс-мажору в правоприменительной практике не относят изменение валютного курса или девальвацию национальной валюты, финансово-экономический кризис[1]. Кризисы 2008 г. и 2014 г., дефолт 1998 г. показали, что суды не признают изменение курса валют в качестве существенного изменения обстоятельств, и как форс-мажор, исходя из того, что изменение курса – это обстоятельство, которое можно предвидеть. Торгово-промышленная палата Российской Федерации свидетельствует обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор) в соответствии с условиями международных договоров Российской Федерации и внешнеторговых сделок, выдавая сертификат о форс-мажоре на основании письменного заявления заинтересованной стороны [3].

Юридическая квалификация обстоятельств как непреодолимой силы возможна только при односменном наличии совокупности ее существенных характеристик: чрезвычайности и непредотвратимости. Под чрезвычайностью понима-

¹ © Андрианова В. В., 2022.

ется исключительность, выход за пределы нормального, обыденного, необычайность для тех или иных жизненных условий, то, что не относится к жизненному риску и не может быть учтено ни при каких обстоятельствах. Не любой жизненный факт может быть квалифицирован как непреодолимая сила, так как обязательным признаком последней является ее чрезвычайный характер.

Обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий, указано в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7. Так, признание распространения новой коронавирусной инфекции обстоятельством непреодолимой силы не может быть универсальным для всех категорий должников, независимо от типа их деятельности, условий ее осуществления, в том числе региона, в котором действует организация, в связи с чем, существование обстоятельств непреодолимой силы должно быть установлено с учетом обстоятельств конкретного дела.

В настоящее время практика судов может отличаться в зависимости от того, относится ли страна происхождения товара к недружественным или нет. Например, согласно постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2021 г. № 09АП-29888/2021 по делу № А40-241276/2020 Уральская торгово-промышленная палата установила наличие обстоятельств непреодолимой силы, что подтвердила выданным заключением № 5806-1/1636. Согласно заключения УТПП, форс-мажор на стороне зарубежного производителя фирмы «Thales LAS France SAS», вызванный действиями государственного органа – межведомственной государственной комиссии Франции, является форс-мажором для поставщика по Государственному контракту.

В 2022 г. множество иностранных компаний приостановили или прекратили свою деятельность в Российской Федерации. В таких сложных условиях предпринимателям необходимо проверить основных клиентов и поставщиков, логистику, используемые платежные системы, наличие сотрудников и подразделений за пределами Российской Федерации, невозможность продолжать бизнес может быть связана со сбоем в поставках оборудования.

Таким образом, игнорируя обязанность исполнять принятые на себя обязательства, сторона договора должна осознавать возможность наступления неблагоприятных последствий и учитывать изменения в правоприменительной практике.

Список литературы

1. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (послед. ред.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/ (дата обращения: 05.05.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (часть первая) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 05.05.2022).

3. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палаты Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (ред. от 26.01.2022) (прил. к постановлению Правления Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 173-14) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192640/-1786917b9a13451f791cd51e240ca59eda7a0555/ (дата обращения: 05.05.2022).

Бибикова О. В.¹,

курсант 581 учебного взвода

международно-правового факультета

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Федорова Ю. А.,

старший преподаватель кафедры

гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Активное развитие цифровых технологий не могло не отразиться на институте доказывания в гражданском судопроизводстве. В настоящее время Гражданский кодекс Российской Федерации допускает использования электронных доказательств несмотря на то, что особенности использования доказательств законодатель закрепил в гл. 6 ГПК РФ, где указал, что доказательства имеют место быть в письменной и вещественной форме. Прежде чем рассмотреть проблематику использования электронных доказательств в гражданском судопроизводстве, хотелось бы обратить внимание на понятие электронных доказательств. Необходимо понимать, что данное понятие не несет нововведение по предоставлению сути доказательства, а изменяет прежнюю форму предоставления, т. е. несет в себе неоспоримый формат.

Конкретно термин электронное доказательство законодатель не закрепил, поэтому предлагается рассмотреть данное понятие через термин электронных документов. В Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 понимается под этим термином – документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

На наш взгляд наиболее четкое понятие сформулировал В. Б. Вехов, где определил электронное доказательство как любые сведения, предоставленные в электронном формате, где правоохранительные органы в определенном законодательном порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу, а так же иных обстоятельств имеющих значение для правильного разрешения дела [1].

Вопрос закрепления понятия электронного доказательства для размытия рамок упоминаемого термина с письменными доказательствами актуальный, по причине отсутствия отдельных условий, формата предоставления, исследования доказательств, предоставленных в электронном виде.

Проблема достоверности электронных доказательств состоит в том, что суды устанавливают оценку доказательств основываясь на внутреннем убеждении

¹ © Бибикова О. В., 2022.

(ст. 67 ГПК РФ). При этом в пункте 6 данной статьи указано, что суд рассматривает данные доказательства, где проводит сравнение с оригиналом(источником), рассматривает содержание для установления точности сведений. В вышеуказанной статье так же законодатель говорит, что при установлении факта внесения изменений в документ доказательства не будут считаться достоверными. В настоящее время стремительное развитие технических возможностей несет в себе риск насильственного изменения доказательств для положительного исхода дела для ответчика или истца. В связи с этими обстоятельствами на наш взгляд необходимо внести изменения в гл. 6 ГПК РФ, где необходимо закрепить критерии достоверности электронного доказательства, этапов проверки, соответствие определенных признаков и условий. Данное нововведение устранил факт возможности фальсификации электронных доказательств, и уменьшит время судебного разбирательства на проверку доказательств, предоставленных в цифровом формате.

При условии рассмотрения судом электронных доказательств хотелось затронуть проблему профессиональной компетенции и возможности определения достоверности у суда полученных документов в электронном формате. При оценке копии документа или иного письменного доказательства суд проверяет, не произошло ли при копировании изменение содержания копии документа по сравнению с его оригиналом, с помощью какого технического приема выполнено копирование, гарантирует ли копирование тождественность копии документа и его оригинала, каким образом сохранялась копия документа [6].

В связи с этим нами предлагается возложить данную обязанность на специального субъекта, такого как специалист (эксперт) в области IT-технологий. Функции данного специалиста заключаются в исследовании предоставленного документа на возможность внесения изменений и корректировки который предоставлен через интернет ресурс, владение специальными знаниями для тщательного анализа при этом соблюдая принципы независимости. При этом специалист эксперт не будет принимать решение о допустимости доказательств, а только говорит о достоверности предоставленных ему документов путем проведения экспертизы.

Данное внедрение так же устранил проблему проверки ауди-видео доказательства на судебном заседании, которое может быть представлено не только в первичном виде, но и во вторичном. аудиовидеозаписи помогают наиболее четко прочувствовать эмоциональную составляющую, понять основания и причины определенных действий через мимику и выразительность речи.

Для рассмотрения данных доказательства в суде так же требуется специальное техническое оснащение, чтобы воспроизведение информации несло в себе четкий звук и изображение. Вопрос ставиться о наличие данного оснащения в судебных залах, и не закрепления видов носителей информации для предоставления в суд. Поэтому нами предлагается закрепить требования к формату аудиовидео доказательств, утвердить перечень носителей информации, дополнительно внести требования, где указать о запрете доказательств, которые затрагивают тайну личной жизни, полученные без согласия оппонента.

Несмотря на то, что существуют ситуации, где данный вид доказательства будет являться единственным способом подтверждения своей правоты. Наше предложение по введению дополнительного субъекта (эксперт-специалист) тем самым устранил возможность изменения информации в пользу предоставляемого этим доказательства, но и устранил нюансы по воспроизведению файла, форматирования на более удобный носитель для суда и исключит возможность подкупа суда, прокурора с помощью внедрения дополнительного субъекта.

Информационные технологии несут в себе удобство, скорость, но при применении их в гражданском судопроизводстве мы видим не готовность их следования тем самым они нуждаются в тщательной проработке, которая устранила проблематику применения и использования электронных доказательств. Закрепление понятия электронного доказательства, его процессуального статуса, указав их виды и закрепления требований и критериев к ним, укрепит институт электронного доказательства. Тем самым внедрение электронного правосудия сможет внести изменение и устранил пробел в ГПК РФ, где правовое регулирование поможет отсеять доказательства подверженные хакерскому влиянию, закрепит исследование специальным субъектом электронных доказательств.

Список литературы

1. Даниелян А. С., Коновалова А. Н. К вопросу о правовой природе электронных доказательств в контексте гражданского и арбитражного процесса // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1(12). С. 50–60.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Судом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (ред. от 26.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 06.04.2022).
3. Постановление от 25 декабря 2017 г. по делу № А62-1237/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/9fH7xPy0Um1S/> (дата обращения: 07.04.2022).
4. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 июля 1982 г. № 7 «О судебном решении» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/10105790/> (дата обращения: 06.04.2022).
5. Приказ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (с изм. от 17.11.2021 г.) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/456034911> (дата обращения: 07.04.2022).
6. Свирский М. Д. Проблемы признания письменных документов и аудиовизуальных записей доказательствами в гражданском процессе // Молодой ученый. 2020. № 52(342). С. 244–246.

Бирюкова А. В.¹,

курсант 591 учебного взвода

международно-правового факультета

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Федорова Ю. А.,

старший преподаватель

кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ПО ДОГОВОРУ КУПЛИ-ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В условиях цифровизации институтов гражданского права также довольно актуальной темой является регулирование рисков при заключении договора купли-продажи недвижимости именно в цифровом формате. Так, в 2019 г. согласно ст. 1 Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [1] – Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами ст. 160 ГК РФ [2].

Дигитализация, с одной стороны, позволяет упростить сам процесс заключения сделки и сократить сроки проверки документов и оформления договора, что позволяет развивать гражданско-правовые отношения дистанционно и является удобной формой и для покупателя, и для продавца. С другой стороны, стоит определить особенности и возможные риски, связанные с электронной сделкой. Итак, исследуем особенности заключения электронной сделки с недвижимостью и проанализируем способы регулирования рисков.

Как и во всех цифровых процессах не исключены технические сбои и задержки в период передачи сведений, и в целом на любом этапе сделки. Большинство баз могут несвоевременно завершать обновление, ввиду чего, к примеру, в Росреестре договор могут временно заблокировать. Специалисты филиала Росреестра оповещают об этом сторон сделки и устраняют сбой для возобновления регистрации.

Мошенничество, осуществляемое за счет присвоения третьим лицом электронно-цифровой подписи (далее – ЭЦП), а также оформления на добросовестного пользователя недостоверной ЭЦП либо путем установления вредоносной программы. Согласно требованиям выдача ключа сертификата ЭЦП возможна только лично владельцу, но практическая деятельность сотрудников доказывает обратное: данное условие зачастую не соблюдают, что подтверждается незаконной передачей ключа третьему лицу.

В соответствии с требованиями закона [3], предварительно гражданином уведомляется Росреестр путем подачи заявления о согласии на проведение сделки в электронном формате, что является одной из мер обеспечения государством защиты имущественных прав граждан.

¹ © Бирюкова А. В., 2022.

Для минимизации рисков в период регистрации сделки для обеих сторон договора потребуется усиленная электронная подпись, свидетельствующая о подлинности виртуальных документов. Перед отправкой документов следует обратиться к нотариусу для проверки законности и юридической чистоты.

Именно отдельный реестр Единой информационной системы нотариата гарантирует сторонам сохранность и защиту от фальсификации, уничтожения либо незаконного доступа третьих лиц.

Таким образом, уменьшить риск позволит соблюдение общих рекомендаций по обеспечению безопасности проведения электронных сделок:

- не осуществлять доступ к личному кабинету, отказаться от предоставления паролей третьим лицам;
- иметь связь с технической поддержкой в случае подозрительной активности собственного аккаунта, где содержатся подлинные документы;
- следить за обновлениями антивирусных программ устройства, на котором хранятся персональные данные;
- своевременно обращаться в правоохранительные органы в случае потери документов.

Нотариальное заверение договора, который был дистанционно удостоверен, порождает солидарную имущественную ответственность у нотариусов, что обеспечивает защиту сторон сделок.

Таким образом, цифровой формат сделки позволяет субъектам гражданского правоотношения дистанционно осуществить заключение сделки. Однако, глобализации цифрового рынка недвижимости препятствует несколько факторов: во-первых, сохраняется категория лиц, которые придерживаются стандартных способов купли-продажи недвижимости и не оказывают доверия электронному формату сделок. Во-вторых, цифровизация больше оказывает влияние на крупные российские города, такие как Москва, Санкт-Петербург и т. д. В провинциях данный процесс развивается с менее значительной скоростью. И в-третьих, стоит отметить, что не все сделки с недвижимостью возможно полностью заключать дистанционно.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (послед. ред.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 17.05.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) (ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/08b8673b58e230c76f61b3a81736d4b2fd9ea3d2/ (дата обращения: 17.05.2022).
3. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (послед. ред.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 17.05.2022).

Брайцева Е. А.¹,

доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НОТАРИАТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Начало цифровизации нотариата было положено Федеральным законом Российской Федерации от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Что это были за изменения? Появилась единая информационная система нотариата (далее – ЕИС), во-первых, и документ в электронной форме был приравнен по юридической силе к документу в бумажной форме, во-вторых. Появился термин «цифровой нотариат», первые действия с цифровой составляющей и электронные сервисы. На сегодняшний день невозможно представить себе современный нотариат без цифрового формата. Федеральная нотариальная палата начала ЕИС нотариата, которая оказалась полезной и востребованной в гражданско-правовых отношениях.

Расширен перечень нотариальных действий, которые можно совершить онлайн: принятие на хранение документа в электронной форме, совершение исполнительной надписи, получение выписки о залоге движимого имущества, свидетельствование верности перевода, передача документов в электронной форме другим лицам. Весьма перспективно объединение нескольких нотариальных действий в одно [2].

Произошли и изменения технического характера. Речь идет о машиночитаемой маркировке нотариальных документов, которая обеспечивает двойную цифровую защиту, представляя собой уникальную совокупность символов, информирующих о дате, виде, регистрационном номере нотариального действия, данные о нотариусе, его совершившем, и заявителе. Маркировка проставляется только на бумажных документах, поскольку электронные документы, удостоверенные нотариально, уже защищены усиленной квалифицированной подписью нотариуса. Информацию в маркировке нотариального документа можно проверить через единый портал Госуслуг или сервис проверки машиночитаемой маркировки ЕИС. В связи с этим особенно важен вопрос обмена информацией, система межведомственного взаимодействия, когда нотариус может в онлайн режиме проверить достоверность представленных данных.

Федеральный закон от 26 мая 2021 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и ст. 80 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» [3] облегчает регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при подаче документов через нотариуса. В рамках одного нотариального действия осуществляется свидетельствование верности подписи на заявлении и отправка документов в налоговые органы, что позволяет

¹ © Брайцева Е. А., 2022.

предпринимателям сэкономить время, а значит и деньги, и в целом оказывает положительное влияние на экономическую ситуацию в целом.

Возможности нотариата интегрированы в сервис Госуслуги, появилась возможность записаться к нотариусу онлайн. Юридически значимые действия стали еще более безопасными благодаря нотариату: буквально несколько месяцев назад на портале Федеральной нотариальной палаты появился Реестр распоряжений об отмене доверенностей, выданных в простой письменной форме, что еще более обезопасит электронный документооборот.

Полезность и значимость такого реестра несомненна. Отменить доверенность, совершенную в простой письменной форме, можно максимально быстро, и в то же время, извещение всех заинтересованных лиц не составит труда. В то же время заинтересованные лица, могут оперативно удостовериться, что доверенность действительна, либо своевременно узнать, что доверенность уже отменена.

Как видим, нотариальному акту придана повышенная законодательная и исполнительная сила. Степень доверия повышает и тот факт, что нотариус несет полную имущественную ответственность. Вред возмещается за счет страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, при недостаточности средств – по договору коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса, заключенного нотариальной палатой, – за счет личного имущества нотариуса, за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты.

Нотариус также несет ответственность за достоверность информации, внесенной в государственные реестры. Участие нотариуса в удостоверении сделок с недвижимостью дает гарантию безопасности участникам сделки.

Нотариус может отказать в удостоверении недобросовестной сделки, если она сомнительна, имеет признаки легализации и отмыывания доходов, полученных преступным путем. В этом случае нотариус передает в Росфинмониторинг соответствующую информацию и вносит сведения об отказе в ЕИС нотариата.

Цифровизация нотариальной деятельности приводит к тому, что оказываемые нотариальные услуги становятся более доступными и качественными, от чего выигрывают все участники частноправовых отношений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6699.
2. Петров И. Перешли на клик: как цифровой нотариат помогает бизнесу в пандемию // МИЦ «Известия». URL: <https://iz.ru/1155978/ivan-petrov/pereshli-na-klik-kak-tcifrovoi-notariat-pomogaet-biznesu-v-pandemiiu> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Федеральный закон от 26 мая 2021 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и ин-

дивидуальных предпринимателей» и статью 80 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384895 (дата обращения: 16.05.2022).

4. Маилян С. С., Васильев В. В. Некоторые особенности защиты нотариусом прав и свобод несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 213–215.

Ефимова Ю. В.¹,

командир отделения 583 взвода

международно-правового факультета

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Мамонтов А. А.,

старший преподаватель

кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В 2021 г. Россия по итогам обзора состояния защиты интеллектуальной собственности, проводимого Управлением Торгового представителя США, осталась в Priority Watch List (Списке приоритетных стран для наблюдения). При этом наибольшую обеспокоенность у составителей обзора вызвало продолжающееся нарушение авторских прав в Российской Федерации [1]. За период с 2007 по 2021 гг., Россия не поднималась выше 62 строчки в названном рейтинге (2007 г.), а наихудшее ее положение было зафиксировано в 2017 г. (111 место). Это подтверждает наличие проблемы защиты авторских прав в Российской Федерации, в том числе и в сети Интернет.

На эту проблему неоднократно обращал внимание и Президент Российской Федерации Владимир Путин. В 2003 г. в одном из своих выступлений В. Путин подчеркнул, что в нашей стране «пиратство стало привычно и практически не наказуемо» [8], а в 2016 г. на медиафоруме «Общероссийского народного фронта», президент вновь указал на то, что культура уважения авторских прав в нашей стране находится на низком уровне. Кроме того, российский лидер отметил, что «у нас скачивают все что угодно – песни, фильмы, рассказы, повести – без всякого ограничения» [7].

Вышеизложенное подтверждает актуальность вопроса создания эффективных механизмов, которые защищали бы права авторов в сети Интернет. В 2013 г. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6] (далее – Федеральный закон об информации) был дополнен ст. 15.2, регламентирующей порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы. Первоначально данные нововведения были подвергнуты критике, прежде всего ввиду того, что распространяли свое действие исключительно на кинопродукцию. Однако позже этот недостаток был устранен – обновленная редакция и стала предметом анализа.

Правовой механизм временной защиты авторского права, предусмотренный ст. 15.2 Федерального закона об информации, представляет собой следующую последовательность действий правообладателя. Правообладателю необходимо по-

¹ © Ефимова Ю. В., 2022.

следовательно обратиться (1) в Мосгорсуд с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты авторского права и (2) в Роскомнадзор с заявлением о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим объекты авторского права без его разрешения. На следующем шаге Роскомнадзор направит в адрес лиц, указанных в ч. 2 ст. 15.2 Федерального закона об информации (провайдер хостинга, владелец информационного ресурса), уведомление о нарушении исключительных прав на объекты авторского права. Названные лица должны будут сообщить о возникших обстоятельствах владельцу информационного ресурса или программного приложения и указать ему не необходимость без промедления ограничить доступ к информации, которая была распространена в сети Интернет с нарушением законодательства об авторском праве. Если перечисленные выше субъекты не принимают должных шагов, то меры по ограничению доступа к незаконно размещенной информации (или к ресурсу на котором такая информация размещена) должны быть приняты операторами связи. Итак, рассмотренная норма закрепила превентивную мерой воздействия на нарушителей авторских прав.

Действующим законодательством также предусмотрено, что ограничения по доступу к информации, распространяемой с нарушением авторского права, введенные в изложенном выше порядке, снимаются Роскомнадзором. Это происходит в срок, установленный Мосгорсудом (который не может превышать 15 дней) правообладатель не обратился в суд с исковым заявлением о защите авторского права (ст. 144.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [3]). Эксперты отмечают, что подавляющее большинство интернет-ресурсов удаляют информацию, размещенную с нарушением авторского права сразу после получения требования Роскомнадзора устранить нарушение закона.

В таких случаях правообладатели утрачивают необходимость обращаться в судебные инстанции. Именно это обстоятельство обуславливает и подтверждает нижеследующую статистику. В период действия ст. 15.2 Федерального закона об информации Мосгорсудом было вынесено 29 930 определений о предварительном обеспечении защиты исключительных прав и в 20 509 (69 %) случаях соответствующие меры были впоследствии отменены по той причине, что правообладатель так и не обратился в суд с требованием о защите авторских прав [5]. Таким образом, следует констатировать достаточно высокую эффективность нормы ст. 15.2 Федерального закона об информации. Эта норма, устанавливает всего лишь превентивный механизм временного (досудебного) ограничения доступа информации, но фактически является важной мерой защиты прав автора в сети Интернет.

1 мая 2015 г. Федеральный закон об информации был дополнен ст. 15.6, которая устанавливает порядок ограничения доступа к ресурсам в сети Интернет на постоянной основе. Постоянная блокировка осуществляется Роскомнадзором на основании вступившего в законную силу соответствующего решения Мосгорсуда. Впервые «пожизненная» блокировка сайта были применена уже в октябре 2015 года в отношении торрент-трекера Rutor.org. Однако этот портал фактически функционирует и в настоящее время. Это является следствием серьезной проблемы, связанной с тем, что интернет-ресурсы используют противоречащие

закону способы обхода мер по ограничению доступа к нарушителям авторского права. Как отмечает А. С. Кузьмина, «сайт-нарушитель имеет возможность сменить доменное имя с фактическим сохранением IP-адреса и иных значимых технических параметров» [4, с. 77].

Другими вариантами обхода судебных блокировок, автор называет «создание зеркал-копий, переход сайта на новый домен, включение автоматической переадресации (редиректа), размещение способов обхода блокировок в социальных сетях» [4, с. 78]. В научной среде предлагаются различные пути противодействия таким обходам. Мы придерживаемся взгляда, что достаточно эффективным в данном случае может стать возложение ответственности на собственников ресурсов за распространение сведений о вариантах обхода блокировки [2, с. 19].

Таким образом, в результате проведенного анализа были сформулированы следующие выводы:

- установлено, что ст. 15.2 Федерального закона об информации, которой закреплен превентивный механизм временного (досудебного) ограничения доступа к информации, которая размещается с нарушением прав автора, в настоящее время фактически стала важной мерой этого права в сети Интернет;
- обосновано, что постоянная судебная блокировка интернет-ресурсов нередко обходиться различными способами. Поддержано предложение, с целью предотвращения таких действий возложить ответственность на собственников ресурсов за распространение сведений о вариантах обхода блокировки.

Список литературы

1. 2021 Special 301 Report // URL: [https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2021/2021%20Special%20301%20Report%20\(final\).pdf](https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2021/2021%20Special%20301%20Report%20(final).pdf) (дата обращения: 10.05.2022).
2. Абдуллаева У. А. Правовое обеспечение защиты авторских прав в сети интернет // Проблемы совершенствования законодательства : сборник научных статей студентов юридического факультета. Махачкала : АЛЕФ, 2020. С. 18–20.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Кузьмина А. С. Блокировка сайтов за нарушения авторских прав в России: обзор основных проблем применения антипиратского закона // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 2 (28). С. 75–83.
5. Московский городской суд // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/defend/statementForm/2dba8020-4bb9-4557-8738-5e4c4a8e3b47> (дата обращения: 10.05.2022).
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
7. Путин допускает смягчение закона о защите авторских прав // МИЦ «Известия». URL: <https://iz.ru/news/609122> (дата обращения: 15.05.2022).
8. Путин назвал защиту авторских прав важной задачей // МИА «Россия сегодня». URL: <https://ria.ru/20030616/394085.html> (дата обращения: 15.05.2022).

Иванов А. В.¹,

адъюнкт кафедры

гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ИЗОБРАЖЕНИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В виду продолжающейся цифровизации постсоветского пространства контроль общественности за деятельностью органов внутренних дел можно назвать беспрецедентным, таким, с которым сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД) еще некоторое время тому назад не сталкивались. Данный факт порождает неуверенность сотрудников при несении ими службы, не позволяет в отдельно взятых ситуациях при демонстративном использовании в отношении них фото- и видеосъемки действовать уверенно. В настоящий момент проблематику использования средств фото- и видеофиксации в отношении сотрудника ОВД Республики Беларусь в контексте защиты его личных прав можно обоснованно назвать актуальнейшей, требующей совершенствования законодательства и правореализационной практики.

Конституция Республики Беларусь провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью общества и государства (ст. 2) [1].

В Гражданском кодексе Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – ГК БССР) имелась статья, которая гласила, что использовать изображение гражданина можно лишь с его согласия, а после его смерти необходимо получить согласие пережившего супруга и детей [2].

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК РБ) не содержит нормы, которая бы регламентировала порядок и условия использования изображения гражданина. Статья 151 ГК Республики Беларусь содержит исчерпывающий перечень защищаемых нематериальных благ, и в указанном перечне нет собственного изображения или внешнего облика [3].

Законодательство Республики Беларусь об авторском праве не содержит прямых норм, которые бы регулировали права лица, изображенного в фотографическом произведении, и обязывали бы автора фотографического произведения получать у такого лица разрешение на использование фотографического изображения [4].

Для определения случаев, в которых не требуется спрашивать согласия изображаемого гражданина, предлагается использовать аналогию права. Автор полагает, что однозначными исключениями из общего правила будут случаи, описанные в ст. 152.1 ГК РФ, а также в ст. 509 ГК БССР 1964 г.

Положения об использовании и защите изображения гражданина в полной мере относятся и к сотруднику ОВД Республики Беларусь, который, являясь представителем государственной власти, деятельность которой осуществляется

¹ © Иванов А. В., 2022.

на принципах гласности и открытости, является в первую очередь гражданином Республики Беларусь и защита его личных неимущественных благ осуществляется в той же мере и степени, в соответствии с теми же актами законодательства, как и гражданина, не являющегося представителем государственной власти, что представляется разумным, так как участники гражданских правоотношений равны между собой. В гражданском законодательстве не установлен специализированный порядок защиты личных неимущественных прав сотрудников ОВД.

В складывающейся общественно-политической ситуации в государстве, когда отдельные категории граждан, осуществляя фото- и видеосъемку сотрудников ОВД, желают в первую очередь изыскать возможность дискредитировать государственную власть в лице сотрудника ОВД, вызвать у представителя власти неуверенность в своих действиях, актуальнейшим образом стоит вопрос о защите сотрудника ОВД от давления деструктивных элементов, оказания содействия тому в защите чести, достоинства и деловой репутации, посягательства на которые в настоящий момент зачастую осуществляются в сети Интернет в связи с исполнением тем служебных обязанностей.

Сотрудник ОВД вправе обратиться с исковым заявлением в суд о возмещении расходов и морального вреда, причиненных распространением его изображения.

От лица, распространившего порочащие сведения, сотрудник ОВД может потребовать либо удалить указанную информацию, либо опровергнуть [5].

Помимо указанных форм защиты права на собственное изображение, представляется возможным рассматривать процедуру медиации как один из инструментов и способов защиты собственных прав сотрудником ОВД.

Однако, необходимо отметить и согласиться с Е. А. Сухаревым, что замечания, сделанные в адрес представителей власти, не являются оскорблением личности [6].

Приказом МВД Республики Беларусь от 15 октября 2020 г. № 203 была утверждена Инструкция о порядке защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск Министерства внутренних дел, деловой репутации органов внутренних дел и внутренних войск Министерства внутренних дел [7]. Данная инструкция определяет порядок и условия обеспечения защиты и гражданского персонала ОВД, подразделений и организаций, входящих в систему ОВД, военнослужащих и гражданского персонала внутренних войск МВД от посягательств в любой форме на честь, достоинство и деловую репутацию, а также ОВД и внутренних войск МВД от посягательств в любой форме на деловую репутацию в связи с осуществлением ими служебной и служебно-боевой дисциплины. Пунктом 9 указанной инструкции предусмотрено возможность создания начальником ОВД для обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации постоянно действующей рабочей группы из числа подчиненных сотрудников, с возможностью включения в группу представителей идеологического (психологического) подразделения, подразделения информации и общественных связей, подразделения правового обеспечения, представителя подразделения собственной безопасности. В соответствии с п. 19 указанной инструкции по результатам рассмотрения предложе-

ний по реагированию на информацию о совершенном посягательстве руководитель принимает одно из решений: о регистрации и рассмотрении заявления или сообщения о преступлении, административном правонарушении; об оказании правовой помощи сотруднику в применении внесудебного порядка защиты и (или) в рамках гражданского судопроизводства; о назначении служебной проверки; об отсутствии основания для принятия мер по защите.

Конституционный суд Республики Беларусь сделал вывод о правовом пробеле в действующем правовом регулировании, который обусловлен отсутствием механизма использования и охраны изображения гражданина [8].

В настоящий момент в законодательстве Республики Беларусь отсутствуют правовые нормы, которые бы регулировали порядок использования и защиты изображений сотрудников ОВД как специальных субъектов в Республике Беларусь, не установлен механизм обеспечения и защиты соответствующих гражданских прав, в том числе путем реализации способов, предусмотренных ст. 11 ГК РБ. Отсутствие надлежащей правовой регламентации не лишает сотрудника ОВД права на защиту личных неимущественных прав в досудебном и судебном порядке.

Предлагается добавить в ст. 35 «Правовая защита сотрудников органов внутренних дел» закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» абзац следующего содержания: «запрещается опубликовывать и использовать изображение внешнего облика или другого элемента идентификации сотрудника органов внутренних дел с целью нанесения ему вреда физического или психического характера. Несоблюдение указанного требования влечет ответственность, предусмотренную законодательными актами Республики Беларусь». Закрепление указанной дефиниции в законе обеспечит защиту изображения сотрудника ОВД.

В настоящий момент состояние правовой действительности таково, что в регионах Республики Беларусь граждане редко обращаются в суды в порядке гражданского судопроизводства за защитой личных неимущественных прав. При рассмотрении судами дел таких категорий, судьи используют аналогию права и оценочные категории, что обусловлено отсутствием правовой регламентации общественных отношений в сфере защиты изображения физического лица.

Таким образом, сотрудник ОВД при исполнении служебных обязанностей имеет специализированные права и обязанности в контексте изображения как личного нематериального права. Деятельность ОВД является открытой и публичной, что позволяет гражданам осуществлять общественный контроль, в том числе и путем фотографирования сотрудников, однако, данное право не является абсолютным, при препятствовании гражданином путем фотосъемки законным действиям сотрудника ОВД, тот имеет право требовать прекращения той, так как фактически может осуществляться посягательство на нормальное осуществление сотрудником ОВД своих обязанностей, что может послужить причиной нарушения законности. В действующем законодательстве не имеется правовых норм, запрещающих по тем или иным причинам осуществлять съемку сотрудников ОВД. Для заимствования положительного опыта европейских стран в части

защиты личности и анонимности представителя государственной власти, необходимо закрепить в законодательстве четкий и однозначный порядок использования изображений граждан, способов их защиты.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2016. 62 с.
2. Грамадзянскі кодэкс Беларускай ССР / рэд. П. Галубцова. Мінск : Беларусь, 1965. 440 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (Закон Республики Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 141-3) // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/>.
4. Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 «Об авторском праве и смежных правах» (с изм. и доп. Закона Республики Беларусь от 15 июля 2019 г. № 216-3) // Белзакон.NET – Беларусское законодательство, кодексы, юридические советы. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/2011/247.
5. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 «О средствах массовой информации» (с изм. и доп. Закона Республики Беларусь от 24 мая 2021 г. № 110-3) // Белзакон.NET – Беларусское законодательство, кодексы, юридические советы. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/2008/543.
6. Сухарев Е. А., Трофимов Н. И. Охрана жизни, чести и достоинства работников милиции и народных дружинников. М. : Юридическая литература, 1970. 64 с.
7. Инструкция о порядке защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД Республики Беларусь (утв. Министерством внутренних дел Республики Беларусь 15 октября 2020 г. : по сост. на 12 декабря 2020 г.). Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2020. 7 с.
8. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 октября 2018 г. № Р-1145/2018 «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина» // Конституционный Суд Республики Беларусь. URL: <http://www.kc.gov.by/document-52013>.

Калинченко Ю. П.¹,
преподаватель кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КРИПТОВАЛЮТЫ

Развитие цифровых технологий привело к созданию существующей только в электронном виде криптовалюты, как не являющегося законным платежным средством актив. И весьма злободневным в настоящее время является вопрос о гражданско-правовом режиме криптовалюты и прочих цифровых финансовых активов.

Следует отметить, что правовое регулирование криптовалюты одно из новых, современных направлений в праве. Подавляющее большинство граждан и юридических лиц в той или иной форме, прямо или косвенно, в скором времени окажутся вовлеченными в поле действия правовых норм, регулирующих правовой режим криптовалют.

Проводя исследование правовой природы криптовалюты Л. Г. Ефимова сделала единственно возможный вывод о том, что криптовалюту (цифровые деньги) следует рассматривать как совершенно новый объект гражданского права. И этот объект гражданского права возникает при наличии двух юридических фактов – должны существовать: результат функционирования соответствующей компьютерной программы (майнинг) и заключенный между участниками платформы многосторонний договор [1, с. 23].

Как считает О. П. Казаченок и с ней нельзя не согласиться, под криптовалютой понимают разновидность цифровой валюты, создание и контроль за которой базируются на криптографических методах. [2, с. 98].

А. И. Гончаров указывает на недопустимость применения самого термина криптовалюта, так как «крипто» означает «шифрование». Следовательно, тождественным будет термин «шифровалюта». Исходя из норм, содержащихся в ФЗ-№ 173, цифровые объекты-шифры никаких государственных привязок не имеют вообще, ни на каких банковских счетах не находятся, называть их валютой – безграмотно и противозаконно. В этой связи наиболее допустимым является употребление термина «расчетная цифровая криптозапись» [3, с. 493–495].

По мнению Л.Г. Ефимовой, криптовалюта является новой формой частных денег, и отсутствие признанного правом статуса не может изменить того, что она стала фактическим средством платежа, который позволяет производить расчеты за товары и услуги [4, с. 12–19]. Отсутствие статуса денежного средства не позволяет криптовалюте погашать денежные обязательства, следовательно, она не может быть единицей торговых расчетов с точки зрения права, что противоречит начинающему формироваться рынку оборота криптовалюты и использования ее в качестве расчетной единицы и средства платежа [2, с. 98].

¹ © Калинченко Ю. П., 2022.

Д. С. Вахрушев и О. В. Железнов предлагают «под «криптовалютой» понимать особую разновидность электронных денег, функционирование которых основано на децентрализованном механизме эмиссии и обращении и представляющих собой сложную систему информационно-технологических процедур, построенных на криптографических методах защиты, регламентирующих идентификацию владельцев и фиксацию факта их смены» [5].

Следует согласиться с определением криптовалюты, сформулированным А. В. Тумаковым и Н. В. Петраковым, как существующая в обслуживаемой пользователями децентрализованной электронно-вычислительной сети виртуальная валюта, оборот которой осуществляется с помощью криптографических методов верификации права собственности, а эмиссия новых единиц является вознаграждением за поддержание работоспособности системы [6, с. 176].

Конечно позиция в отношении гражданско-правового режима криптовалют до сих пор не определена, а при введении ее в правовое поле необходимо решить целый ряд проблем, например, определение места криптовалюты в системе объектов гражданских прав, каким образом будут произведены расчеты с ее использованием т. д. Но следует отметить, что перспектива развития использования криптовалют конечно имеется, даже несмотря на то, что законодательная работа в этом направлении в нашей стране находится в самом начале.

Список литературы

1. Ефимова Л. Г. Криптовалюта как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4 (507). С. 17–25.
2. Казаченок О. П. Становление правового режима криптовалюты в России и зарубежных странах // Евразийская адвокатура. 2019. № 3 (40). С. 97–100.
3. Объекты гражданских прав : учебное пособие / [И. В. Балутите и др.]; под ред. А. И. Иншаковой, А. И. Гончарова. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2018. 565 с.
4. Ефимова Л. Г. Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // Юрист. 2019. № 3. С. 12–19.
5. Вахрушев Д. С., Железнов О. В. Криптовалюта как феномен современной информационной экономики: проблемы теоретического осмысления // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 5(24). С. 156.
6. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Правовой режим криптовалюты // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 175–179.

Козлова М. Ю.¹,

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент*

Кожемякин Д. В.²,

*доцент кафедры финансового и предпринимательского права
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук*

Сергачева О. А.³,

*заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРОВ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПРАВ НА МУЗЕЙНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Законодатель наделяет музеи рядом прав, среди которых и особое право, называемое «музейным», которое состоит в возможности разрешать на основе договора коммерческое использование изображений музейных предметов, музейных коллекций, зданий музеев, объектов, расположенных на территориях музеев.

Музеи разрешают или запрещают использование изображений объектов, находящихся в их коллекциях, различными способами. Так, в некоторых случаях суды считают, что договор может быть заключен путем приобретения субъектом билета в музей. В своем исследовании Angela Patolano приводит следующий случай: художник Bernard Buffet приобрел билет на экскурсию, желая осмотреть монумент «Château du Moulin». На билете было указано, что воспроизведение объекта в коммерческих целях без предварительного согласования с администрацией запрещено. Несмотря на это, художник впоследствии воспроизвел интерьеры замка на картине, что послужило причиной обращения собственника музейного объекта в суд. Суд в своем решении указал, что «посетитель косвенным образом принял условия договора, запрещавшие воспроизведение в коммерческих целях. Таким образом, воспроизведение в коммерческих целях культурной ценности, перешедшей в общественное достояние, но находящейся на частной территории, в соответствии с Кодексом о культурных ценностях и ландшафтном наследии требует предварительного разрешения владельца и уплаты соответствующего денежного вознаграждения. Разумеется, воспроизведение в частных целях или в научных и образовательных целях допускается свободно» [2].

В ст. 36 Федерального закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» в отношении конструкции предоставления разрешения на воспроизведение музейного предмета

¹ © Козлова М. Ю., 2022.

² © Кожемякин Д. В., 2022.

³ © Сергачева О. А., 2022.

используется термин «передача права», что роднит ее с ранее закрепленным в авторском праве механизмом предоставления неисключительного права использования произведений, который был заменен в части четвертой ГК РФ положениями о предоставлении неисключительной лицензии. Не удивительно, что, оформляя предоставление такого права, отечественные музеи зачастую прибегают к договорным конструкциям близким к тем, что используются в праве интеллектуальной собственности.

Музеи заключают договоры на предоставление неисключительных прав на однократное использование в коммерческих целях изображений музейных предметов (Ярославский художественный музей) [6], либо договоры предоставления простой (неисключительной) лицензии на использование изображения музейного предмета (Государственный Русский музей).

Так, в договорах Государственного Русского музея определены, в частности, следующие основные права и обязанности сторон. Лицензиар гарантирует свои полномочия по передаче прав на использование изображений Произведений в соответствии с условиями настоящего Договора; Лицензиар обязуется не препятствовать надлежащему использованию Лицензиатом предоставленных ему по настоящему Договору прав; Лицензиар вправе запрашивать у Лицензиата любую документацию и информацию, относящуюся к исполнению условий настоящего Договора в части использования изображения Произведения. С другой стороны, Лицензиат обязуется использовать полученные изображения Произведений исключительно в порядке и на условиях настоящего Договора, не изменять и не искажать изображения Произведений. Лицензиат обязуется обеспечить все необходимые и достаточные меры для предотвращения несанкционированного копирования полученных изображений Произведений [4].

Зарубежная доктрина также свидетельствует о том, что передача музеем права на воспроизведение музейного объекта в коммерческих целях оформляется лицензионным договором [1].

Э. П. Гаврилов полагает, что предоставление музеем права на воспроизведение музейного предмета является услугой, заключающейся в допуске заинтересованного лица к музейному предмету для изготовления его «изображения» [3]. Между тем, как уже отмечалось, такое истолкование музейного права базируется на ограничении его содержания как права контролировать изготовление изображения с оригинала, которая не поддерживается судебной практикой.

По нашему мнению, предоставление возможности использовать изображение музейного предмета не является услугой. Предметом договора возмездного оказания услуги является определенное действие или определенная деятельность. Услуги носят нематериальный характер, но всегда предполагают активные действия со стороны исполнителя, при возможной пассивности заказчика. В отношениях с музеями модель другая, предполагающая активные действия лица, который намеревается использовать изображение музейного предмета в коммерческой деятельности, и пассивность музея, позволяющего такое поведение. Анализ содержания договоров, заключаемых музеями, показывает, что они не соответствуют модели возмездного оказания услуг. Из распределения прав и обязанностей становится понятно, что обладатель музейного права позволяет контрагенту

использовать его в пределах, определенных договором, и получает право контролировать такое использование – такое распределение не позволяет квалифицировать отношения как оказание услуг – это скорее модель авторского договора о передаче неисключительного права (существовавшего до принятия части четвертой ГК РФ).

Музеи, предоставляя на возмездной основе третьим лицам право использования в коммерческих целях изображений музейных объектов, реализуют предоставленную законодателем возможность поддерживать свое финансовое положение и продолжать обеспечивать сохранность этих музейных объектов. При этом, отсутствие какого бы то ни было правового регулирования особенностей предоставления указанных прав порождает, на наш взгляд, возможности для злоупотребления. Так, музеи вправе отказать без объяснения причин обратившемуся к нему субъекту в предоставлении права, а также устанавливать любую, в том числе и явно несоразмерную, цену за передачу неисключительной и разовой лицензии на использование изображения музейного объекта. В этой связи положения о музейном праве следует уточнить, ограничив музеи в возможности отказать в предоставлении права воспроизведения музейного объекта.

Для защиты музейного права в судебном порядке в большинстве случаев музеи заявляют требования о взыскании убытков, при этом музей обязан доказать их размер, поскольку законом не установлены особые последствия нарушения музейного права (такого, как, например, компенсация за нарушение). Суды, рассматривая споры с участием музеев и указывая на ошибки нижестоящих судов, отмечают, что музеи не обладают исключительным правом на музейные объекты, и, соответственно, не могут использовать специальные способы защиты исключительного права.

При рассмотрении подобных дел суды оценивают возможности для заинтересованных лиц получить исчерпывающую информацию о ситуациях, когда необходимо получить такое разрешение, и о его стоимости. В то же время, отсутствие утвержденного регламента заключения договоров на передачу третьим лицам прав на использование в коммерческих целях воспроизведений объектов из состава Музейного фонда Российской Федерации не исключает реализации установленного действующим законодательством правомочия музея и не может являться основанием для произвольного использования воспроизведений этих объектов [7].

Обычно музеи разрабатывают прейскуранты на свои услуги, где и определяют стоимость использования изображений музейных объектов. Соответственно, использование таких изображений без согласия музеев влечет за собой упущенную выгоду. Для определения размера убытков цена использования изображений музейных предметов должна быть точно определена, или установлен механизм ее определения.

Встречается подход, когда музей в индивидуальном порядке устанавливает цену за использование изображения музейного предмета, после запроса заинтересованного лица, исходя из конкретных обстоятельств (государственная Третьяковская галерея) [5].

Музеями применяется также такой способ защиты нарушенных прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения [8].

Таким образом, сложившаяся практика свидетельствует о многообразии договорных моделей, которые могут использоваться для передачи права на коммерческое использование музейных объектов. Однозначно определить правовую природу таких договоров довольно сложно, поскольку нет ясности в вопросе о природе самого музейного права. Более всего такие договоры близки к авторским договорам о передаче неисключительного права, которые предусматривались законодательством до принятия части четвертой ГК РФ.

Список литературы

1. De Robbio A. Fotografie di opere d'arte: tra titolarità, pubblico dominio, diritti di riproduzione, privacy. URL: <http://digitalia.sbn.it/article/view/1054> (дата обращения: 21.02.2022).
2. Patalano A. La liberta' di panorama nelle opera cinematografiche // Rivista di diritto delle arti e dello spettacolo. 2018. № 1. P. 94.
3. Гаврилов Э. О «музейном праве» // Хозяйство и право. 2015. № 3. С. 71–81.
4. Договор между Государственным Русским Музеем и Центральным Музеем Великой Отечественной Войны № 12-Б-17 от 31 января 2017 г. // Архив Государственного Русского Музея.
5. Официальный сайт Третьяковской галереи. URL: <https://www.tretyakovgallery.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).
6. Официальный сайт Ярославского художественного музея. URL: <https://yartmuseum.ru/> (дата обращения: 13.02.2022).
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 5 марта 2015 г. по делу № А63-18468/2012 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9c2ce6ee-db60-443d-95e1-e55fdde5a661> (дата обращения: 15.02.2022).
8. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 12 мая 2014 г. по делу № А63-18468/2012 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9c2ce6ee-db60-443d-95e1-e55fdde5a661> (дата обращения: 12.02.2022).

Косолапова К. С.¹,

заместитель командира 305 взвода

Института подготовки сотрудников

для органов предварительного расследования

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Левкина Е. С.,

преподаватель кафедры

гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Интенсивное использование искусственного интеллекта в последние годы наблюдается во многих сферах человеческой жизнедеятельности. Искусственный интеллект способен повысить качество жизни населения, эффективность органов управления и правоохранительных органов и сформировать качественно новый комплекс регулируемых общественных отношений. Изменения, порождаемые внедрением совершенно новых технологий, коснутся всех сфер жизнеобеспечения. Но при этом довольно специфичен вопрос о внедрении искусственного интеллекта в правовую сферу. Здесь стоит отметить две стороны развития данного вопроса:

- непосредственное внедрение искусственного интеллекта в правовую сферу, для упрощения работы в области юриспруденции;
- создание качественной правовой системы в рамках эффективного регулирования вопроса внедрения и функционирования искусственного интеллекта.

В рамках научной статьи рассмотрим проблему непосредственного внедрения искусственного интеллекта в сферу права. В данном случае речь идет об автоматизации традиционной работы работников в области юриспруденции. На текущий момент очень сложно сказать, что, именно в области права, удалось достичь каких-либо высот. Связано это с тем, что юридическая деятельность представляет собой весьма сложный мыслительный процесс, так как состоит в большинстве своем из творческой и экспертной составляющих.

Чтобы подробнее разобраться, в чем же заключается трудность для инженеров, конструкторов, разработчиков и специалистов, которые занимаются интегрированием искусственного интеллекта в правовую сферу, для начала раскроем термины в рамках рассматриваемой темы.

Сам термин искусственный интеллект впервые был использован в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2]. Термин подразумевает под собой комплекс технологических решений, которые позволяют получить результаты схожие с результатами, схожими с результатами интеллектуальной деятельности человека, но полученные при этом за счет имитации когнитивных функций

¹ © Косолапова К. С., 2022.

человека. Сам комплекс строится на основе информационно-коммуникационной инфраструктуры, программного обеспечения и сервисов обработки данных, а поиск решений в итоге складывается по результатам самообучения, без заданных заранее алгоритмов, как у людей.

Также, в данном вопросе нам необходимо понимание технологий искусственного интеллекта, которые в свою очередь включают: компьютерное зрение, обработку, распознавание и синтез естественной человеческой речи, интеллектуальное принятие решений и иные методы, используемые для достижения наилучшего результата в плане обработки и вынесения итого решения по полученной информации.

Теперь вернемся непосредственно к правовому искусственному интеллекту и уже существующему на этот счет инструментарию. Как было замечено ранее, деятельность юристов основывается на творческом и экспертном началах, и лишь малую, хотя и значительную роль стоит отдать нормативной базе и судебной практике. Развитие информационных технологий на данном этапе позволяет нам сделать вывод о том, что право нашло свое отражение только относительно той малой части, которая включает нормативно правовые акты и судебную практику. В настоящий момент созданы системы, отвечающие за подбор справочно-правовых материалов, судебных решений, нормативно-правовых актов и иных документов, на основе ключевых слов, но без учета контекста. Разрабатываются и модернизируются сервисы, позволяющие конструировать документы, но происходит это по типовым шаблонам, неспособным даже самостоятельно перестроиться в случае отклонения от заданной формы. Сервисы агрегирования информации, предоставленной в общем доступе в публичных реестрах. Также созданы системы, автоматизированные на различные полезные функции, в зависимости от заданных условий и отвечающие за управление.

Все эти разработки бесспорно являются очень полезными, но круг этой пользы можно ограничить только вопросами поиска наиболее общей информации. Но говорить о сложной юридической обработке и предоставлении нестандартных решений, продуманных на несколько шагов вперед пока не представляется возможным на основе такой довольно скупой сформированной материально-технической базы.

Сразу отметим, что винить в этом слабый уровень развития информационных технологий не стоит. Здесь играет целая совокупность факторов, начиная со сложности самой юридической деятельности, заканчивая особенностями в плане усвоения искусственным интеллектом заданной информации. Всем нам известно, что наибольшее распространение искусственный интеллект получил в тех сферах, где первоочередным ставятся математические вычисления, а все остальные функции, приближающие робота к человеку, второстепенны и в большинстве своем выдают роботизированное творение.

Помимо таких наиболее частных проблем, могут возникнуть вопросы касемо общих вопросов, связанных с рисками использования искусственного интеллекта. Сюда можно отнести проблемы с обеспечением конфиденциальности информации; созданием эффективного правового регулирования и связанными с ним различными видами ответственности, негативное влияние на количество

рабочих мест и развитие молодого поколения, определение правовых статусов вновь созданных субъектов и многое другое. Поэтому, рассматривая вопрос внедрения искусственного интеллекта в общем, даже без конкретизации в область права, стоит принимать во внимание тот факт, что это влечет большие риски. В связи с этим требуется создать ту минимальную инновационную базу, которая будет способна отвечать всем тем требованиям, которые являются ключевыми только на этапе формирования. В сфере права наиболее целесообразно будет эту базу проверить и расширить на предмет ее полного соответствия требованиям, здесь на искусственный интеллект будет возлагаться двойная ответственность. Во-первых, за качественное исполнение запросов в области права. Во-вторых, за правовую чистоту осуществляемой деятельности, которая не будет подвергаться атакам со стороны искусственного интеллекта, способного в процессе деятельности подменить ключевые понятия.

Таким образом, вопрос возможности использования искусственного интеллекта в правовой сфере является довольно спорным и сложным на современном этапе развития. Это связано и с тем, что сама правовая деятельности не строится исключительно на вычислительных, построенных на шаблонных алгоритмах сервисах. И с тем, что работа всей информационной сферы должна быть подкреплена грамотно составленными нормативными актами. Поэтому созданные на данный момент технологии являются только предпосылкой к созданию огромной правовой сферы в рамках искусственного интеллекта. Нет сомнений, что стремительное развитие современных технологий позволит достигнуть поставленных целей, для этого специалистам в данной области необходимо время. Но на сегодняшний день, мы можем использовать существующие сервисы для поиска нормативно правовой базы.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных” (послед. ред.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения 06.06.2022).
2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения 06.06.2022).
3. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
4. Сазонова М. Искусственный интеллект и права: есть контакт? // НПП «Гарнт-сервис». URL: <https://www.garant.ru/news/1401154/>.

Кузнецова Е. В.¹,

заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин

Смоленского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ

Современное процессуальное законодательство в части регулирования судебной деятельности в гражданском и арбитражном процессах неразрывно связано со спецификой материально-правовых отношений. Как справедливо отметил Д. Б. Абушенко «задача законодателя применительно и к гражданскому, и к арбитражному процессу состоит в том, чтобы не подрывая стабильности действующего процессуально-правового регулирования, обеспечить синхронное появление таких процессуальных механизмов, которые бы учитывали особенности материально-правовой природы вновь появившихся конструкций, специфику их судебной защиты» [1].

Ввиду цифровизации отношений в сфере гражданского оборота, когда возрастает объем электронной коммерции, расширяются поставки российских товаров, работ и услуг на различных уровнях – межрегиональном и международном; порой возникает необходимость проверки контрагентов, в том числе о наличии судебных процессов с их участием; возможность идентификации лица с помощью электронной подписи; развивается электронный документооборот, так как бизнес заинтересован в «безбумажном» взаимодействии на межкорпоративном уровне, возникает необходимость формирования таких правил процессуального поведения, которые соответствовали бы и потребностям гражданского оборота и позволяли бы заинтересованным субъектам – участникам гражданского оборота получить эффективную судебную защиту.

Как известно материально правовые признаки, в первую очередь, применяются при решении вопроса, связанного с выбором компетентного суда, затем определением круга лиц, участвующих в деле; самым непосредственным образом затрагивают такую процессуальный институт, как доказывание, в части определения предмета доказывания, решения вопроса об относимости и допустимости доказательств, распределение бремени доказывания. Проявление материально-правового начала связано и с вопросами заключения различных соглашений в рамках судебных разбирательств, основаниями недействительности таких соглашений.

Остановимся на некоторых из них. Так заслуживает, как нам представляется, отдельного внимания вопрос о соблюдении правил подсудности. Категории, характеризующей конституционное право каждого на рассмотрение дела в том суде, к подсудности которого оно отнесено законом, и воспринимаемое в ряде источников как гарантия принципа законности в гражданском процессуальном праве либо, в ряде других источников как механизм реализации такого принципа

¹ © Кузнецова Е. В., 2022.

как процессуальная справедливость. Несмотря на особую значимость правил подсудности, в этой связи возможно возникновение ряда проблем и вопросов. В том числе тех, которые прежде подобных трудностей не вызывали: как определить место заключения и (или) место исполнения договора, место осуществления определенной деятельности, место нахождения лица, - если речь идет о сделках, заключаемых в сети Интернет, или о защите авторских прав при размещении и распространении информации все в той же сети?

Переходить на электронный документооборот представителям бизнеса в первую очередь помогают доверенные операторы федеральной налоговой службы, поддерживающие юридическую значимость документов, отслеживающие изменения в законодательстве и, соответствие этим изменениям вносят коррективы в работу системы. В связи с чем, пользователи системы могут не задумываться о том, что изменилось в требованиях, предъявляемых к электронной подписи и какие изменения произошли в порядке обмена счетами-фактурами. Документы, сформированные в системе автоматически, соответствуют формату, утвержденному нормативно-правовыми актами благодаря работе операторов электронного документооборота. Если у абонента возникнет вопрос поиска такого документа и его выгрузки в корректном формате, он всегда может обратиться за помощью к своему оператору, а сам оператор может выступить в процессе третьим лицом, так как его деятельность напрямую связана с фактами в рамках электронного взаимодействия: передачи документов, форматов электронного взаимодействия.

Сама по себе электронная переписка с контрагентом становится не менее важным доказательством в суде. Особенно, если учесть, какой массовый характер она приобрела в последнее время. Не у кого не вызывает сомнения тот факт, что достаточно большой процент всех коммуникаций, в том числе бизнес-коммуникаций, на сегодняшний день осуществляется через электронную почту и всевозможные мессенджеры. Бумажный оборот уже не столь актуален и все больше утрачивает свою информационную функцию. Возможность использования в качестве доказательств в споре сообщений, переданных через электронную почту, обусловлено соблюдением ряда условий. Во-первых, такой порядок обмена деловой информацией предусмотрен в договоре между сторонами и при этом указаны адреса электронной почты ответственных работников. Во-вторых, если переписка осуществлялась через почтовые ящики таких сотрудников участников спора и их легко можно идентифицировать. В-третьих, содержание переписки полностью согласуется с фактическими обстоятельствами дела.

Несколько сложнее складывается ситуация, когда переписка велась через мессенджеры. В подобном случае стороне, предоставляющей такую информацию, необходимо подтвердить сведения о регистрации номера телефона, к которому привязан аккаунт в мессенджере, за соответствующим лицом. Самостоятельно такие сведения получить не удастся. Их возможно получить только путем судебного истребования у оператора связи. Однако такого рода истребование может не понадобиться, если номер телефона собеседника находится в публичном доступе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и позволяет точно идентифицировать его обладателя. Основным правилом предоставления

суду в качестве доказательства электронной переписки является ее обязательное нотариальное удостоверение, так как предоставление обычных распечаток и скриншотов соответствующих страниц связано с риском их оценки, как недостаточно соответствующих требованию достоверности доказательств. Заверение же электронной переписки нотариусом осуществляется через вход в электронный почтовый ящик или кабинет пользователя с описанием содержания сообщений, который затем выдается заинтересованному лицу вместе со скриншотами соответствующих сообщений, что обеспечивает соблюдение правила достоверности предоставляемой информации.

Таким образом, теоретико-прикладное исследование взаимовлияния информационных технологий и основных институтов процесса является актуальной задачей, требующей дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Абушенко Д. Б. Вопросы системного влияния материального права на цивилистический процесс // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/69046-voprosy-sistemnogo-vliyaniya-materialnogo-prava-civilisticheskij-process> (дата обращения 30.04.2022).
2. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.03.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322/ (дата обращения: 25.04.2022).
3. Вородюхин С. Е., Лысенко В. А., Васильев В. В. Профессионально-нравственная деформация как фактор коррупции в органах внутренних дел // Философия права. 2021. № 4(99). С. 133–139.

Кулешова А. Н.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ТИПЫ НЕФТЯНЫХ СОГЛАШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ИНВЕСТОРОМ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Нефть являются важными природным ресурсом, для разведки, добычи и переработки который необходимо заключать совместные соглашения между государством, как собственником природного ископаемого и инвестором, осуществляемым все виды деятельности. Кроме того, следует определить полномочия сторон (права и обязанности) в ходе заключения различных типов нефтяных соглашений.

Страны с доказанными или предполагаемыми запасами нефти разработали и внедрили в законодательную базу различные договорные конструкции в нефтяной сфере, где определены права и обязанности сторон, установлено кто обладает исключительным правом на недра и их разработку. В большинстве случаев страны привлекают международные нефтяные организации для разведки, разработки, добычи и переработки нефти, однако страны, имеющие значительный опыт работы с нефтью, привлекают местные компании.

В этой статье описаны три основных типа нефтяных соглашений между государством и инвестором, а также преимущества и недостатки каждого из них.

1. Концессионное соглашение – это договор между государством (концедентом) и инвестором (концессионером), которому предоставляется право осуществлять деятельность (создать и/или реконструировать имущество) с использованием объекта концессионного соглашения на основе согласованных условий [1].

В рамках нефтяных соглашений, концессия является старейшим типом договоров, которые впервые появились во время нефтяного бума 1800-х гг. в Соединенных Штатах и стали широко распространены на Ближнем Востоке, начиная с нефтяного бума в Саудовской Аравии.

Концессионное соглашение берет свое начало в американской концепции земельной собственности, при которой ресурсы на поверхности и под землей принадлежали землевладельцу. В данном концессионном соглашении землевладелец предоставляет другому юридическому лицу или компании исключительные права на разведку и владение ресурсами. Эта компания вкладывала свои средства и технологии для осуществления разведки, разработки, добычи и переработки месторождения и полезных ископаемых.

В случае нефтяной концессии, концессионером является индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, а концедентом – государство, в лице Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования. Концессионер получает права владения и пользования объектом концессионного соглашения, а также право собственности на добытую продукцию или доход от его деятельности. Концедент получает права на результаты

¹ © Кулешова А. Н., 2022.

интеллектуальной деятельности концессионера и плату по концессионному соглашению.

2. Соглашение о разделе продукции (далее – СРП) – это соглашение между государством и инвестором, где последнему предоставляют исключительные права на поиск, разведку и добычу полезных ископаемых на определенном участке недр, и происходит раздел произведенной продукции[2].

Сторонами соглашения выступают государство, в лице Правительства Российской Федерации или уполномоченного им органа и инвестор – субъект предпринимательской деятельности. Концессионер получает право собственности на часть произведенной продукции, как и государство, а также упрощенную систему налогообложения.

Индонезия была родоначальником такой договорной конструкции. Впоследствии, начиная с 1960-х гг., СРП стали предпочтительным видом нефтегазовых соглашений в разных странах Азии и Кавказа.

Тем не менее, в отличие от концессий, СРП не предоставляет инвестору право собственности на ресурсы и саму нефть. Право собственности и права на нефть остаются у государства. В отличие от концессии, в СРП часть полученных доходов покрывает затраты по разведке, разработке и добыче нефти. Как только эти расходы покрываются, государство и инвестор делят остальную часть дохода на основе согласованного процентного деления.

3. Нефтесервисный договор представляет собой деятельность подрядчика по геологоразведке, проектированию и разработке месторождения с последующей передачей заказчику.

Иными словами, по нефтесервисному договору заказчик поручает подрядной компании освоить определенную территорию для осуществления дальнейшей разведки, добычи и переработки нефти. Подрядчик получает оплату за предоставление таких услуг. Правовая природа данного договора не определена, что порождает дискуссию среди цивилистов [3].

Подрядчиком может выступать любое лицо, имеющее право на осуществление и оказание подрядных работ, заказчик – государство или иное лицо, имеющее лицензию на пользование недрами.

Подобно СРП и в отличие от концессии, нефтесервисный договор – это еще один договор, который не предоставляет право собственности на ресурсы и запасы нефти подрядчику. Однако, в отличие от СРП, подрядчик является не инвестором, а выступает в качестве сервисного подрядчика, который не имеет никаких прав на доход, полученный при добыче нефти.

Преимущества и недостатки

1. Основным преимуществом концессии является простота его заключения. В отличие от СРП переговорный процесс упрощен.

Еще одним преимуществом концессии является то, что концессионер берет на себя все финансовые риски, включая затраты на разведку, добычу, освоение месторождения нефти. В случае невозможности определить наличие экономически обоснованных запасов нефти финансовое бремя в значительной степени ложится на концессионера.

Однако есть и недостатки, одним из них является то, что концеденту может быть трудно найти концессионера, готового осуществить разведку, добычу и/или переработку нефти из-за высоких финансовых рисков.

2. Как и в случае с концессией, одним из основных преимуществ соглашения о разделе продукции является то, что государству не нужно делать значительных инвестиций. Это также означает, что СРП может быть относительно невыгодным для инвестора, ведь он осуществляет деятельность на свой страх и риск.

Стабильная инвестиционная среда, еще одно преимущество СРП, которая позволяет инвестору получать разумную прибыль [4].

Одним из заметных недостатков СРП, которое касается государства является сложность его заключения, это подтверждается и практикой заключения СРП в России, так в Российской Федерации заключено всего 3 СРП за всю историю существования такого соглашения, которые заключались до принятия вышеуказанного федерального закона, а именно в 1990–1995 гг. СРП очень сложен по структуре и требует высокого уровня переговоров. Государство должно иметь доступ к финансовой, коммерческой, юридической, технической составляющей компании, а также осуществлять контроль за ее деятельностью.

3. Преимущество нефтесервисного договора – позволяет заключить договор на выполнение ряда работ и услуг по освоению месторождения с одним подрядчиком, что в значительной степени сокращает время и затраты заказчика.

Однако нефтесервисные договоры имеют и недостатки, так бремя рисков лежит на заказчике. С другой стороны, основным недостатком является то, что все расходы по разведке лежат на подрядчике, если договором не установлено иное. Это означает, что если нефть не будет найдена, то расходы несет подрядчик.

Исходя из исторических аспектов, можно резюмировать, что нефтяные соглашения начали свое правовое развитие с концессионного соглашения, перешли в СРП и на нынешнем этапе применяются нефтесервисные соглашения. В заключении следует сказать, что нефтесервисный договор является относительно новой договорной конструкцией, которая нашла свое отражение в зарубежных странах, но до сих пор не применяется в России и не закреплена на законодательном уровне [5]. Предлагается разработать и закрепить нефтесервисный договор в нормативно-правовых актах Российской Федерации, установить субъектный состав, предмет такого договора, права и обязанности сторон и иные существенные условия.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (часть II). Ст. 3126
2. Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // Собрании законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 18.
3. Дерюгина Т. В. Концепция договора в трудах В. В. Витрянского // Власть закона. 2021. № 2. С. 56–66.

4. Зерщикова Н. И. Особенности применения соглашений о разделе продукции в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 3. С. 75–84.
5. Кулешова А. Н. От соглашения о разделе продукции к нефтесервисному договору: преимущества и недостатки // Закон и право. 2022. № 5/22. С. 82–85.

Курбакова Д. О.¹,
курсант 301 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Максимова И. А.,**
преподаватель кафедры
гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СМАРТ-КОНТРАКТ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Сегодня, в век информационных технологий, развитие договорных отношений происходит стремительно и обретает новые, соответствующие требованиям времени, формы. Так, в 2019 г. в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) были внесены поправки, связанные с оборотом цифровых прав и регулированием договорных отношений путем заключения смарт-контрактов.

Принцип действия смарт-контракта (от англ. smart contract – умный контракт) заключается в том, что содержательная часть договора записывается в виде кода в компьютерной программе, которая, в свою очередь, отслеживает и обеспечивает исполнение обязательств. Главным и неоспоримым преимуществом данного цифрового соглашения выступает его мобильность, а именно то, что для исполнения условий договора не требуется привлечение третьих лиц, т. е. судов, поручителей и т. д.

В соответствии с ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [1].

В своих исследованиях профессор Ю. В. Трунцевский выделяет следующие преимущества смарт-контрактов:

- внедрение смарт-контрактов позволяет свести практически к минимуму бюрократию;
- совершенствуется управление денежными потоками, поскольку платежи производятся в более меньших, но частых суммах;
- более удобный и простой в реализации контроль за исполнением договорных обязательств;
- прозрачность ответственности и бюджета [2].

Что касается характеристики данного электронного договора, то здесь автор предлагает обратить внимание на следующие особенности: электронный характер контракта; высокая точность и достоверность; автономность (автоматическое выполнение кодов); скорость; меньшая затратность (выражается как в финансовом факторе, так и во временном); самодостаточность. Таким образом,

¹ © Курбакова Д. О., 2022.

смарт-контракт представляет собой современный инновационный способ заключения договора и исполнения по нему обязательств.

Стоит отметить, что несмотря на активное внедрение смарт-контрактов в различных сферах: в финансовом секторе, в банковской сфере и сфере страхования, в торговле, в государственном секторе и т. д., все же данный вид договора на сегодняшний день еще не проник в жизни граждан и не заменил обычные договоры. Данная мысль наталкивает нас на размышления о том, какие сферы жизни общества, с которыми обычный гражданин взаимодействует ежедневно, могут подвергнуться подобным инновационным изменениям в ближайшем будущем?

В своей статье мы выделим три значимых области в медицине, в которых представляется переход от документов в классическом виде к смарт-контрактам в ближайшем будущем: база данных здравоохранения; медицинские исследования; медицинское страхование.

Говоря о базе данных здравоохранения, необходимо отдавать отчет, что количество амбулаторных карт в компьютерных системах медицинских организаций просто огромное, что значительно снижает безопасность хранения данных клиентов. Методы доступа к ним сегодня являются уязвимыми при кибератаках. Смарт-контракты смогли бы обеспечить лучшую безопасность баз данных, чем она есть на сегодняшний день. Помимо этого, применение умных договоров видится полезным и при совершении рядовых действий, осуществляемых врачами и иными сотрудниками медицинских организаций ежедневно, таких как выдача рецепта, хранение квитанций, результатов испытаний и т. д.

Что касается использования смарт-контрактов в медицинских исследованиях, то здесь их использование видится просто необходимым, что обусловлено быстрым развитием медицины и необходимостью обеспечения надежного хранения результатов различных медицинских испытаний, новых формул лекарств и т. д. Данная необходимость вытекает из целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала, а именно цели «обеспечения устойчивости системы здравоохранения, ее адаптации к новым вызовам и угрозам, в том числе связанным с распространением инфекционных заболеваний, создание резервов лекарственных препаратов и медицинских изделий», указанной в Государственной программе Российской Федерации «Развитие здравоохранения» [3].

Благодаря достижениям в области биотехнологий и IoT страховые компании могут создавать смарт-контракты, которые предлагают скидки по медицинскому страхованию или вводят штрафы на основе данных о состоянии здоровья пациента. Смарт-контракты могут также обнаружить аномалии данных, которые вызывают обязательные консультации, чтобы поддерживать выгодные тарифы.

Сегодня выделяется целый ряд проблем-ограничений применения блокчейна в медицине: проблема обеспечения обработки большого потока транзакций; проблема определения ответственности в случае сбоя в работе смарт-контракта; проблема принятия решения об обновлении протоколов в децентрализованной среде; проблема определения необходимого минимума данных в целях экономии места в блокчейне.

Таким образом, представляется, что внедрение смарт-контрактов в сферу договорных отношений представляется сегодня актуальным вопросом, требующим к себе повышенного внимания и поиска научных решений, поскольку применение смарт-контрактов предоставляет огромные возможности для развития различных сфер жизни общества, совершенствование их информационной составляющей, но на сегодняшний день остается еще малоизученным.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) (ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.05.2022).
2. Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118–148.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации Развитие здравоохранения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1 (часть II). Ст. 373.

Литовских В. В.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель: Шаронов С. А.,

*профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОЙ ОХРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Обеспечение безопасности является неизбежным элементом общественных отношений. Совместно с государственными органами, которые в силу наделенных полномочий призваны обеспечивать безопасность государства, жизни и здоровья людей, их имущества, осуществление данного направления деятельности стало возможно также силами и средствами негосударственных организаций. К примеру, цивилисты отмечают «многоаспектную» роль «предпринимательской охранной деятельности», которая, будучи направленной на защиту отдельных объектов гражданских прав (жизнь, здоровье, имущество), в тоже время содействует реализации публично-правовой охранной функции государства [5, с. 138–141].

Необходимо выявить проблемы, связанные с обеспечением должного уровня безопасности частными охранными организациями, как субъектами негосударственной сферы безопасности. Для достижения поставленной цели необходимо решить две задачи:

- во-первых, определить положение частных охранных организаций (далее – ЧОО) как одного из субъектов обеспечения безопасности государства, с точки зрения гражданского законодательства;
- во-вторых, выявить ряд проблем в частной охранной деятельности, которые в настоящее время препятствуют должному уровню обеспечения безопасности государства.

В рамках решения первой задачи необходимо отметить, что деятельность ЧОО ознаменовалась принятием 11 марта 1992 г. Закона № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [1], то есть фактически с данного момента прошло 30 лет. В своей работе учеными отмечено, что «правовое регулирование охранной деятельности отстает от потребностей гражданского оборота, а ее предпринимательские свойства недостаточно изучены цивилистической наукой, что создает определенные проблемы» [5, с. 137].

Указанным Законом, ЧОО определяется как организация, специально учрежденная для оказания охранных услуг, зарегистрированная в установленном законом порядке и имеющая соответствующее разрешение (лицензию) на осуществление своей деятельности. Поскольку данная организация осуществляет

¹ © Литовских В. В., 2022.

свою деятельность с определенной целью, которой является прибыль, полученная от оказанных работ и услуг, она, на основании п. 1 ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации является коммерческой организацией [2]. Кроме того, легальная организационно-правовая форма ЧОО – «общество с ограниченной ответственностью» – позволяет заявлять и о корпоративном характере этого юридического лица [6, с. 22–25].

ЧОО является одним из субъектов негосударственной сферы безопасности (далее – НСБ), которая в свою очередь входит в негосударственную систему обеспечения национальной безопасности.

Являясь результатом частной предпринимательской инициативой граждан, ЧОО как один из представителей НСБ, выполняют стратегически важные задачи: создание условий для безопасного функционирования бизнеса, поддержания безопасности и порядка на объектах и территориях. Такие положения указывают на сочетание частных и публичных интересов в своей деятельности.

Таким образом в контексте решения первой задачи очевидно, что ЧОО, осуществляя предпринимательскую охранную деятельность в силу направленности оказываемых услуг на защиту объектов влияют и на общий уровень обеспечения безопасности государства.

В рамках решения второй задачи необходимо отметить, что в настоящее время суверенитет нашего государства находится под угрозой. События, происходящие на Украине и мире, негативно сказываются на безопасности не только государства в целом, но и его граждан по отдельности. Уровень угроз, различных атак и агрессий постоянно возрастает. Источником дополнительных сил обеспечения безопасности государства является НСБ, в которую входит ЧОО, будучи частной предпринимательской инициативой. Необходимо отметить, что ЧОО способны содействовать борьбе с терроризмом и его предупреждению, так как по своей правовой сущности нацелены на обеспечение защиты объектов и от террористических посягательств. Так, в Хабаровском крае местные власти вложили 90 млн руб. на различные мероприятия по обеспечению антитеррористической защищенности школ и детских садов, в которых могут обеспечивать безопасность в том числе и ЧОО [1].

30 мая 2022 г. состоялось заседание Межотраслевого совета при Уполномоченном по защите прав предпринимателей в городе Москве, где участники обсуждали проблемы охранной отрасли. В ходе данного заседания Председатель отраслевого отделения НСБ «Деловой России» Вячеслав Соколенко сообщил, что для дальнейшего успешного функционирования частной охраны необходимо отменить критерий по максимальному количеству работников для возможности применения упрощенной системы налогообложения, увеличить влияние критерия качества на торгах и запретить метод аукциона для закупки охранных услуг [4].

Таким образом, подводя итоги публикации хотелось бы сказать, что обеспечение безопасности государства является приоритетным направлением. ЧОО как субъект НСБ являются теми силами и средствами, которые реально участвуют в данном процессе и должны быть поддержаны государством в лице его государственных органов. Из приведенных примеров очевидно, что работа в данном

направлении ведется, однако имеется ряд недостатков, не позволяющих осуществлять данный вид деятельности в необходимом на сегодняшний день объеме. Изменить ситуацию в лучшую сторону представляется лишь в случае, когда государство увидит в лице субъектов НСБ помощника государственной власти в обеспечении национальной безопасности и поддержит предпринимательскую инициативу названных субъектов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17.
3. О проблемах охранной отрасли доложили Уполномоченному по защите прав предпринимателей // Медиа-портал «Хранитель». URL: <https://psj.ru/nsb-main/okhrannaya-deyatelnost/105203-o-problemakh-okhrannoj-otrasli-dolozhili-upolnomochennomu-po-zashchite-prav-predprinimatelej.html> (дата обращения: 05.06.2022).
4. Шаронов С. А. Особенности правового положения субъектов корпоративного отношения в частной охранной организации // Гражданское право. 2014. № 4. С. 22–25.
5. Шаронов С. А. Проблемы правового регулирования охранной деятельности как разновидности предпринимательства // Власть закона. 2019. № 4. С. 137–155.
6. В Хабаровске на безопасность школ и детсадов потратят 90 миллионов рублей // Медиа-портал «Хранитель». URL: <https://psj.ru/nsb-main/okhrannaya-deyatelnost/104929-v-khabarovske-na-bezopasnost-shkol-i-detsadov-potratyat-90-mln-rublej.html> (дата обращения: 05.06.2022).
7. Васильев В. В. Вооруженные Силы Советской России в Саратовском Поволжье : от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Саратов : Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2007. 199 с.

Луньков А. О.¹,

командир отделения 501 учебного взвода

международно- правового факультета

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Мамонтов А. А.,

старший преподаватель

кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ КРИПТОВАЛЮТЫ

В настоящее время защита персональных данных владельцев криптовалюты является основным вопросом каждого пользователя. Большое количество людей уже давно активно пользуются криптовалютой. Они создают криптоактивы, в которых хранятся их средства, совершают сделки и инвестируют. Однако значительно большее количество людей, все же пренебрегает данной возможностью, относясь к криптовалюте с недоверием и опасностью. Отследить кому именно принадлежит криптокошелек очень сложно, а если владельцы будут вести себя грамотно, то это вообще никак невозможно. При хранении, получении и отправки биткоина необходимо иметь специальный адрес. Создание криптокошелька как раз и помогает при управлении цифровыми монетами. Количество адресов неограниченно. Это делается прежде всего для обеспечения безопасности и приватности пользователей.

Криптовалюта является абсолютно новым революционным видом денег. Как и любая другая валюта, она имеет ценность только потому, что люди считают, что она имеет значимость в виде единицы обмена. Валюта может быть обеспечена золотом или другими драгоценными металлами, или, наоборот, ничем не обеспечиваться, хоть и будет иметь ценность. Криптовалюты были разработаны как единица обмена и как место для хранения активов, которые не зависят от центральных банков [8].

Предметом выступает защита персональных данных. Когда пользователь знает как защитить свои криптоактивы и свои данные от мошенников, то он может без опасения совершать различного рода манипуляции с ней, не боясь их потерять. Цель- указать возможные виды мошенничества, разобраться как не оказаться жертвой мошенничества и выявить основные требования, которые помогут защитить свои данные от потери или вмешательства мошенников.

В США биткоин имеет особое значение и с точки зрения налогообложения рассматривается как собственность, а не как валюта (т. е. облагается налогом на прирост капитала). В России же криптовалюты не подпадают под запрет или ограничения владения и не могут использоваться как средство платежа, потому что единственная законная единица – рубль. Но стоит заметить, что в России

¹ © Луньков А. О., 2022.

предусмотрены сервисы мониторинга обменных пунктов, хоть их часто блокирует Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Данные сервисы находят наиболее выгодные обменные курсы. В них можно продавать биткоины и получить деньги на карту, перевести деньги в другую страну через платежную систему. Однако самое главное не нарваться на мошенников, не смотря на то, что такие сервисы постоянно следят за безопасностью таких сделок.

Огромное количество криптовалют никому не принадлежат. Из этого можно сделать вывод, что они не подчиняются ни международным законам, ни политики, ни Центральному Банку Российской Федерации. Можно сказать, что правительство и государственные учреждения просто бессильны, так как не могут контролировать операции и движение капитала.

Законопроект Министерства финансов все еще запрещает использовать криптовалюты как средство платежа на территории России, но разрешает операции с покупкой и продажей в виде инвестиции через российские банки и только для тех клиентов, которые прошли идентификацию. Она будет проводиться как операторами (криптовбиржи) при приеме клиентов на обслуживание, так и банками при открытии банковского счета [4].

Криптовалюта, безусловно, показатель развития дальнейших финансовых отношений не только между предпринимателями или инвесторами, но и на уровне государства в различных сферах общественной жизни. Однако, чем быстрее происходит внедрение ее в жизнь, остро встает проблема защиты своих сбережений. Законодатель не успевает следить за всеми изменениями. Старые законы просто не подходят для регулирования новой валюты, а их влияние на финансовую систему страны очень тяжело отследить.

Хищение криптовалюты с кошелька или с биржи может квалифицироваться по ст. 158 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Кража». В случае фишинга или обещаний быстрого увеличения инвестиций, с целью получить доступ к кошельку, может быть применена ст. 159 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Мошенничество» [5].

Но почему же все-таки биткоин сейчас так популярен? Биткоин обеспечен тем же, что и все государственные валюты – доверием людей. К примеру, если обыкновенный торговец яблоками получит за свой товар один биткоин и сможет оплатить за него проезд в метро, то он будет использовать биткоин без какого-либо опасения потерять свои средства. Как уже говорилось ранее, криптовалюта никем не контролируется, а значит появляются желающие завладеть путем обмана средствами и сбережениями пользователей. Интернет-мошенники, используют методы завладения ресурсами не самыми обычными способами. Такие люди по праву могут считать себя хакерами. Они, как правило, хорошо образованы в сфере информационных технологий и совершают кибератаки с целью за-получить данные. Разновидностью таких атак является фишинг.

Фишинг – это тактика рассылки электронных писем мошенниками, и попытка обманом заставить получателей нажать на вредоносную ссылку или скачать зараженное вложение, чтобы затем украсть их личную информацию [3].

Обычно в период фишинговой атаки для обмана жертвы используется сразу несколько приемов. Например, нередко мошенники используют манипуляции с ссылками и подделку веб-сайтов, что в комбинации придает их действиям максимальную убедительность. Первое, что видно при получении фишингового электронного письма, – правдоподобно выглядящую ссылку, которая ведет на часто используемый и не вызывающий подозрений сайт. Эти сообщения будут предлагать «пользователям ввести конфиденциальную информацию, утверждая, что с их учетной записью или заказом возникла проблема, которую необходимо решить» [3].

Защита криптовалют непосредственно влияет на защиту персональных данных. Чтобы создать свой криптоактив, необходимо пройти регистрацию на сайтах или специальных площадках для торговли, оставить свои персональные данные и банковские карты. Помимо завладения криптовалютой, мошенник получает данные о самом владельце

Возникает проблема – как не потерять контроль за своими криптоактивами? Этим вопросом задаются не только новые пользователи, но и те, кто уже давно знаком с криптовалютой. Все достаточно просто. Необходимо соблюдать базовые требования и правила по защите своих криптоактивов.

Информационная безопасность – это состояние защищенности информационных сетей от внутренних и внешних угроз, способных нанести ущерб интересам личности. В наше время данное словосочетание звучит довольно часто. В век информационных технологий, главной задачей является сохранить свои данные от нежелательного воздействия со стороны третьих лиц, заинтересованных в их приобретении и использовании. Такие воздействия называют киберпреступлениями.

Киберпреступления – явления, деяния, факторы, представляющие опасность для информационного управления, инфраструктуры управления, субъектов управления и порядка. В Уголовном Кодексе Российской Федерации предусмотрена отдельная глава «Преступления в сфере компьютерной информации» [3].

Тем не менее криптовалюты обладают недостатками и особенно важно понимать проблему. Крупные инвесторы хранят свои сбережения в цифровых кошельках, защищенных алгоритмами. Алгоритмы достаточно сложные и неподвластные пользователю, не обладающему способностью к хакингу. Они уникальны тем, что каждая запись обладает определенным однократно используемым числом (от англ. *nonce*), который задается для алгоритма. С помощью него высчитывается хэш, который высчитан по одному алгоритму, файлы с одинаковыми хэшами всегда являются точными копиями друг друга (даже если у них разные имена и расширения), так каждая последующая запись основывается на первой записи и создается своеобразная цепочка. Изменения содержания файла автоматически влечет за собой изменение его хэша. Данная система называется блокчейн (блокчейн-цепочка). Каждая строка определенной записи и есть блок. Некоторые страны используют блокчейн в голосовании, потому что это надежный способ сохранить данные голосов избирателей, а чтобы их заменить или фальсифицировать, злоумышленнику нужно применить много усилий, но в большинстве случаев это сделать невозможно. Однако блокчейн обладает рядом недостатков.

Если предполагаемый фальсификатор является тем, кто контролирует блокчейн, то он может его подделать.

Безопасность криптовалюты сама по себе достаточно большая тема, в которую входит безопасность на криптовалютной бирже. Популярные биржи для торговли: «ОКХ», «KuCoin», «Binance». На примере Биржи «Binance» рассмотрим систему защиты и аутентификации, которые помогут значительно обезопасить свои данные и свои криптоактивы. Один очень важный шаг, который поможет обезопасить аккаунт – аппаратные ключи безопасности.

Первый шаг – проверка домена. Пользователи часто попадают на фишинг, о котором уже говорилось выше. Для таких случаев устанавливается антифишинговый код, а если его нет, то необходимо тщательно проверять адрес сайта и выполнять вход только через него.

Второй шаг – надежный пароль и уникальный адрес электронной почты. Для полной защищенности, ученые и исследователи рекомендуют заводить почту отдельно под конкретную биржу, которая используется. Пароль должен быть достаточно сложным, то есть не менее восьми символов. Пользователь должен понимать, что если он установит пароль с датой своего рождения, своим именем, именем своих родителей и родственников или одни и тот же пароль у него будет на разных аккаунтах, то вероятность того, что его взломают будет высока [10]. Пароль уникален и сложен, когда в нем присутствуют не только буквы и цифры, но и специальные символы. Признаки надежных паролей: длина более десяти символов, трудность подбора, фраза вместо слова, разнообразие символьных наборов, исключение шаблонов [3].

Третий шаг – антифишинговый код. Если пользователь переходит по ссылкам с почтовой рассылки, то по правилам безопасности пользователь должен использовать антифишинговый код. Этот код будет появляться в письмах, таким образом будет понятно, что за этой рассылкой не скрываются фишинговые сайты. Антифишинговый код определяет, приходят ли уведомления по электронной почте от Binance или это попытки фишинга.

Важно понимать, что на каждой бирже существует своя почта, на которую присылается различного рода информация, например, от администратора или непосредственно от самой биржи. Антифишинговый код определяет откуда было получено письмо. Если в письме указаны подозрительные ссылки или не указан отправитель, этот код определяет, что письмо вредоносно и способно навредить безопасности аккаунта.

Четвертый шаг – белый список адресов. Управление адресами позволяет сохранить и записывать заметки для каждого из адресов вывода средств. Опциональная функция белого списка помогает защитить средства, позволяя выводить их только по адресам из белого списка. Поскольку каждое дополнение, требует подтверждения по электронной почте, эта функция сможет защитить при взломе от вывода средств мошенниками.

Пятый шаг, один из самых важных шагов – двухфакторная аутентификация. Активация двухфакторной аутентификации, без преувеличения, очень важный шаг к обеспечению безопасности средств. На бирже Binance предлагаются раз-

личные варианты: аутентификация по СМС, Google аутентификация, аппаратный ключ безопасности. Аутентификация по СМС не самый надежный способ улучшения безопасности. Злоумышленник может завладеть данными путем дубликата SIM-карты. Происходят такие манипуляции в основном в странах, где базы данных могут передаваться. Смысл ключа безопасности уже заключен в его названии. Их разрабатывают специально для защиты аккаунта. Кроме того, они не допустят, чтобы пользователь перешел на фишинговый сайт, даже если у мошенника будет пароль от учетной записи. Стоит сразу заметить, что ключ безопасности не бесплатный и не предоставляется биржей, однако надежность аккаунта вырастет во много раз [11].

Вопрос о цифровом мошенничестве и защите своих сбережений будет всегда актуален с развитием криптовалют и торговли с ней. Однако мы можем защититься от кибератак если будем соблюдать несложные требования по безопасности. Человек, который дорожит своими сбережениями, будет использовать все существующие методы, чтобы обезопаситься от несанкционированных доступов. Защищая свои персональные данные, пользователь сохраняет не только свои сбережения, но и свои конфиденциальные и персональные данные.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 05.05.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142/ (дата обращения: 05.05.2022).
3. Защита от внутренних угроз и комплексных кибератак // Habr. URL: <https://habr.com/ru/company/varonis/blog/544140/> (дата обращения: 05.05.2022).
4. Криптовалюту могут разрешить для оплаты внешнеторговых контрактов // АО «Бизнес Ньюс Медиа». URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/05/29/924135-kriptovalyutu-razreshit-oplati-vneshnetorgovih> (дата обращения: 17.05.2022).
5. Как крадут биткоины и насколько реально их вернуть // АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5f9851099a7947632705a7c1> (дата обращения: 18.05.2022).
6. Принцип работы блокчейн // PrincipRaboty.ru – основные принципы работы систем. URL: <https://principraboty.ru/princip-raboty-blokcheyn/> (дата обращения: 17.05.2022).
7. Лучшие биржи криптовалют в 2022 году // Cryptonisation.com. URL: <https://cryptonisation.com/obzor-birzh-kriptoaljut-2018/> (дата обращения: 18.05.2022).
8. Антонян М. Г. Направления обеспечения сбалансированности доходов и расходов бюджета региона : выпускная квалификационная работа // URL: <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5c1a5c387966e104f6f8551a.pdf> (дата обращения: 17.05.2022).

9. Информационное сообщение «Об использовании криптовалют» // Федеральная служба по финансовому мониторингу. URL: <http://www.fedsfm.ru/news/957> (дата обращения: 17.05.2022).
10. Мартынова Л. Е., Умницын М. Ю., Назарова К. Е., Пересыпкин И. П. Исследование и сравнительный анализ методов аутентификации // Молодой ученый. 2016. № 19 (123). С. 90–92.
11. Юрьев Д. Р., Рогова О. С. Сравнительный анализ двухфакторной аутентификации // Технические науки – от теории к практике. 2017. № 6 (66). С. 46–51.

*Мальбин Д. А.¹,
ведущий эксперт Института проблем
административно-правового регулирования
Высшей школы экономики,
кандидат юридических наук*

ОРДЕР КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СУБСТИТУТ ДОВЕРЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Часть 5 статьи 53 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [2] устанавливает, что право адвоката на выступление в суде подтверждается ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием. Это положение закона в литературе [1] и правоприменительной практике порой рассматривается как устанавливающее дополнительное для адвоката требование о представлении ордера наряду с доверенностью. Однако такой подход следует подвергнуть критике.

Основанием возникновения отношений представительства по общему правилу является воля представляемого, который наделяет представителя рядом полномочий, что получает отражение в доверенности, выдаваемой представляемым. Те же случаи, когда наделение полномочий представителя – волей представляемого невозможно или существенным образом затруднительно, должны оставаться исключением. В свою очередь ордер, выдаваемый адвокатским образованием адвокату, не подтверждает наличие воли представляемого на наделение адвоката полномочиями представителя. Воля представляемого остается за рамками отношений, связанных с выдачей ордера, поэтому случаи подтверждения ордера полномочий адвоката как представителя в гражданском процессе должны оставаться в качестве исключения, когда выдача доверенности представляемым невозможна.

К таким случаям в системе действующего законодательства относятся случаи оказания адвокатом бесплатной юридической помощи, одним из видов которой является представление граждан в судах. Круг случаев, когда адвокат оказывает юридическую помощь бесплатно носит закрытый характер и при детальном изучении этих случаев оказывается, что выдача представляемым доверенности адвокату оказывается невозможной или затруднительной, в связи с чем в таких случаях применению подлежит институт ордера как средства, с помощью которого удостоверяются полномочия адвоката. Кроме того, юридическая помощь может считаться бесплатной только тогда, когда обеспечена возможность ее оказания без несения гражданином расходов. Выдача доверенности гражданином по общему правилу сопряжена с несением расходов на ее нотариальное удостоверение. Иные способы удостоверения доверенности не всегда оказываются возможными. В таком случае ордер оказывается эффективным средством удостоверения полномочий адвоката, поскольку выдача ордера не является платной.

¹ © Мальбин Д. А., 2022.

По изложенным причинам представляется, что сфера применения ордера должна быть сужена до случаев, когда выдача доверенности адвокату для участия в качестве представителя в гражданском процессе является невозможной. Общее правило о том, что полномочия представителя должны быть выражены в доверенности должно распространяться также на лиц, обладающих статусом адвоката, поскольку только таким способом возможно удостовериться в воле лица в наделении адвоката полномочиями представителя. Материально-правовой статус адвоката не может изменить процессуальный статус адвоката как представителя лица, участвующего в деле, в отношении которого действует общее правило ч. 1 ст. 53 ГПК РФ.

В пользу такого подхода свидетельствует также то, что в арбитражном процессе нет нормы, аналогичной ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, а полномочия адвоката на ведение дела в арбитражном суде удостоверяются только доверенностью, что неслучайно, поскольку рассматриваемые арбитражными судами дела не относятся к случаям оказания бесплатной юридической помощи, а участие адвоката в качестве представителя одной из сторон не связано с исполнением адвокатом возложенной на него законом обязанности оказывать юридическую помощь гражданам бесплатно.

Толкование нормы ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, в соответствии с которым адвокат наряду с доверенностью должен представить ордер для участия в гражданском процессе в качестве представителя, создает необоснованные препятствия в доступе к правосудию, т.к. при таком подходе возникает дополнительное по отношению к общему требование для участия лица в качестве представителя. В таком случае представляемый оказывается зависимым в своих отношениях с представителем (адвокатом) от отношений адвоката с третьим лицом (адвокатским образованием, которое выдает ордер), что может приводить к нарушению гарантированных Конституцией Российской Федерации прав на судебную защиту и получение квалифицированной юридической помощи.

Одним из примеров, когда суд, основываясь на буквальном тексте ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, фактически лишил лицо, участвующее в деле, права на судебную защиту является Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2011 г. № 23-Г11-3 [4], в котором суд обратил внимание нижестоящих судов на то, что адвокат действовал в качестве представителя заявителя по делу на основании доверенности, не представив ордер, выданный соответствующим адвокатским образованием, в связи с чем суд пришел к выводу об отсутствии у адвоката полномочий действовать от имени представляемого и наличии оснований для возвращения заявления.

Традиционно считается, что ордер наделяет адвоката только общими процессуальными полномочиями, в то время как специальные полномочия могут быть выражены только в доверенности. В таком случае, подход в данном определении Верховного Суда Российской Федерации встречает существенные противоречия, так как при наличии у адвоката доверенности и, соответственно, общих процессуальных полномочий, удостоверение тех же самых общих полномочий ордером является излишним.

Однако, при изменении подхода к сфере применения ордера следует рассмотреть вопрос об объеме полномочий, которыми ордер наделяет адвоката. Учитывая, что полноценная юридическая помощь по гражданскому делу адвокатом гражданину невозможна без наличия у адвоката специальных полномочий, то следует исходить из того, что ордер предоставляет адвокату весь спектр процессуальных полномочий, в том числе наделяет адвоката специальными полномочиями. В противном случае адвокат оказался бы ограничен в возможности совершения процессуальных действий в интересах гражданина.

В пользу такого подхода свидетельствует принятое Конституционным Судом Российской Федерации Постановление от 21 января 2020 г. № 3-П [5], которым положения ст. 54 ГПК РФ признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему смыслу не предполагают возможности отказа суда в рассмотрении по существу жалоб адвоката, направленных на оспаривание решения суда о признании гражданина недееспособным и поданных адвокатом, действующим на основании ордера, по мотиву отсутствия у адвоката выданной этим гражданином доверенности, специально оговаривающей его полномочие на обжалование судебного постановления, если из конкретных обстоятельств следует, что адвокат действует в интересах и по воле этого гражданина.

При предлагаемом подходе: сужении сферы применения ордера до случаев оказания адвокатом бесплатной юридической помощи с одновременным расширением полномочий, предоставляемых ордером, проблемы, поставленной перед Конституционным Судом Российской Федерации, не возникло, поскольку оказание юридической помощи гражданину при оказании ему психиатрической помощи (что имело место в рассматриваемом деле) является одним из случаев гарантированного оказания гражданину юридической помощи (ст. 7 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании») [3].

Таким образом, сложившийся подход к применению ч. 5 ст. 53 ГПК РФ требует ревизии. Положение ч. 5 ст. 53 ГПК РФ должно толковаться как устанавливающие особый способ удостоверения полномочий адвоката на представление интересов гражданина в гражданском процессе, когда адвокат исполняет возложенную на него законом обязанность по оказанию гражданам юридической помощи бесплатно. В случаях, когда оказание адвокатом юридической помощи не относится к установленным законом случаям, когда юридическая помощь оказывается бесплатно, адвокат в гражданском процессе должен действовать на основании доверенности.

Список литературы

1. Бардин Л. Н. К вопросу об оформлении полномочий адвоката в гражданском процессе // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 48–50.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (послед. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (послед. ред.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 33. Ст. 1913.

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2011 г. № 23-Г11-3 // Электронная библиотека «Судебная система Российской Федерации». URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_48864.htm.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 487.

6. Вородюхин С. Е., Лысенко В. А., Васильев В. В. Пути совершенствования мер, направленных на противодействие коррупции на современном этапе развития России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 74–79.

Пантюхина Л. А.¹,

*адъюнкт кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель: Чеговадзе Л. А.,

доктор юридических наук, профессор

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНСТИТУТЕ СОЦИАЛЬНОГО НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Механизмы реализации прав граждан на обеспечение жильем требуют модернизации и соответствия новым социально-экономическим реалиям. В институте предоставления жилого помещения по договору социального найма нельзя обойти достижения современных информационных технологий, а именно внедрения механизмов искусственного интеллекта. В научной литературе можно встретить разнообразные толкования термина «искусственный интеллект». Например, «искусственный интеллект – это искусственная сложная кибернетическая компьютерная программно-аппаратная система (электронная, виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно – доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстроедействия...» [4, с. 91–109]. Лишь с недавнего времени это понятие закреплено и на законодательном уровне. Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [2].

Впервые о применении технологий искусственного интеллекта на государственном уровне заявил Президент России в 2016 г. в Послании к Федеральному собранию. «Необходимо сосредоточиться на направлениях, где накапливается мощный технологический потенциал будущего, а это цифровые, другие так называемые сквозные технологии, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни» [3]. Цифровизация общества и внедрение технологических процессов идет ускоренными темпами. В ст. 141.1 ГК РФ уже закреплён термин «цифровое право».

В России Правительство нацелено на быстрые темпы внедрения искусственного интеллекта, о чем прямо говорится в Стратегии развития информационного

¹ © Пантюхина Л. А., 2022.

общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Согласно прогнозам долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации в случае недостаточного развития и использования конкурентоспособных технологий искусственного интеллекта реализация приоритетных направлений научно-технологического развития страны замедлится, что впоследствии повлечет за собой ее экономическое и технологическое отставание [2]. Использование технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики носит общий («сквозной») характер и способствует созданию условий для улучшения эффективности и формирования принципиально новых направлений деятельности хозяйствующих субъектов.

Использование инновационных технологий позволит автоматизировать многие производственные процессы, позволит избежать ошибок «человеческого фактора», повысить качество и скорость предоставления государственных и муниципальных услуг, экономить рабочее время, что в целом должно привести к повышению уровня жизни населения. Нормативную базу применения технологий в гражданских правоотношениях составляет Конституция Российской Федерации, ряд федеральных законов, таких как Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»; Указы Президента Российской Федерации «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» и «О научных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» и ряд других.

В России уже успешно функционирует ряд автоматизированных систем, например, таких как ГАС «Правосудие», «Электронный судья», портал «Госуслуги», базы данных исполнительных производств Федеральной службы судебных приставов и многие другие. В органах внутренних дел уже есть успешный опыт применения роботизированных технологий. Например, положительный эффект имеет применение системы автоматизированной фиксации правонарушений в области безопасности дорожного движения, системы распознавания государственных регистрационных знаков на автомобилях. При помощи таких систем производится фото- и видеосъемка, которая работает в автоматическом режиме. Эти технические мероприятия позволяют осуществлять контроль за дорожно-транспортной обстановкой, помогают в предупреждении преступлений и административных правонарушений в области безопасности дорожного движения. Такая система позволяет провести целый комплекс мероприятий: не только фиксацию, но и установление и квалификацию правонарушения либо преступления, избрание меры наказания и многие другие.

Несомненно, и развитие правоотношений по предоставлению жилого помещения может быть реформировано с использованием новейших технологий. Проследим, на каких этапах можно применить технологии искусственного интеллекта в правоотношении по предоставлению жилого помещения по договору социального найма. Для постановки гражданина на учет требуется собрать пакет документов, включающий в себя заявление о постановке на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, документы, подтверждающие малоимущность

и нуждаемость, а также необходимые документы для тех категорий граждан, которые имеют специальные основания для постановки на учет или право на внеочередное предоставление жилого помещения по договору социального найма. Документы подаются в муниципалитет или многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг по месту жительства. Применение технологий искусственного интеллекта возможно уже на этапе анализа предоставляемых документов, произведения расчетов дохода на каждого члена семьи, стоимости налогооблагаемого имущества, для установления факта малоимущности и нуждаемости гражданина, кроме того искусственный интеллект может самостоятельно запрашивать недостающие документы из уполномоченных органов, что позволит существенно ускорить процесс принятия решения о постановке гражданина на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении. Применение технологий искусственного интеллекта позволит вести учет таких граждан, формировать учетные дела, размещать информацию в сети Интернет об актуальных списках нуждающихся в жилье. Существенно облегчат информационные технологии и процесс проведения годовой перерегистрации граждан и, в частности сотрудников органов внутренних дел, посредством направления межотраслевых запросов и автоматической обработки поступившей информации, а также принятия решения о возможности дальнейшего нахождения гражданина либо сотрудника органов внутренних дел в очереди либо об утрате необходимых оснований и о прекращении гражданско-правовых отношений. На региональном уровне перерегистрация производится через разные интервалы времени, установленные на законодательном уровне конкретного субъекта Российской Федерации, но применение таких технологий позволит проводить такую регистрацию ежегодно, как это указано в рекомендациях приказа Министерства регионального развития «Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по установлению порядка признания граждан малоимущими в целях постановки на учет и предоставления малоимущим гражданам, признанным нуждающимся в жилых помещениях, жилых помещений муниципального жилищного фонда по договорам социального найма» от 25 февраля 2005 г. № 17, без существенных трудовых и временных затрат с целью своевременного исключения из очереди лиц, которые не имеют оснований претендовать на жилое помещение по договору социального найма и своевременной актуализации сведений о нахождении в очереди граждан. В органах внутренних дел также происходит перерегистрация сотрудников в жилищно-бытовых комиссиях. По аналогии можно применить технологии искусственного интеллекта и при проведении таких перерегистраций в органах внутренних дел, что существенно облегчит труд сотрудников. О необходимости применения новейших технологий говорит и судебная практика. В Челябинском областном суде рассматривалось дело по апелляционной жалобе ГУ МВД России по Челябинской области о признании незаконным решения жилищно-бытовой комиссии. Сотрудник М. В. в период с 1 июля 1994 г. по 20 января 2018 г. проходил службу в ГУ МВД и уволен по выслуге лет, дающей право на получение пенсии. В феврале 2000 г. вместе с семьей поставлен на учет в качестве нуждающихся в жилом помещении. Однако

фактически нуждающимся в жилье М. В. не являлся, так как в собственности у него было жилое помещение и сотрудник был обеспечен необходимой для проживания жилой площадью в соответствии с учетной нормой, установленной в регионе. На момент постановки на учет на каждого члена семьи приходилось по 19,8 кв. м. Обеспеченность жильем очевидна. Ответчик не извещал жилищно-бытовую комиссию о принадлежащем ему жилом помещении, соответственно на жилищный учет был поставлен неправомерно. Нуждающимся в жилье он не являлся, не имел правовых оснований на реализацию права по предоставлению ему жилого помещения. Должностными лицами органов внутренних дел эти документы у ответчика не были истребованы [1]. В случае использования искусственного интеллекта порядок процедуры был бы соблюден и в постановке на учет лица, которое не имеет для этого никаких оснований, было бы отказано, в итоге можно было избежать нарушений действующего жилищного и гражданского законодательства.

В ниже приведенном решении прослеживается, какую помощь оказал бы искусственный интеллект в вопросах годовой перерегистрации сотрудников органов внутренних дел. В Пятом кассационном суде общей юрисдикции рассматривалось дело по исковому заявлению гражданина К. к МВД по Республике Ингушетия. В ходе судебного заседания было установлено, что К. поставлен на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении. Во время нахождения в очереди ему принадлежало жилое помещение, которое полностью обеспечивало его потребность в жилье. Квартира принадлежала гражданину в период с 1994 г. по 2010 г., однако с учета он снят лишь в 2019 г. Технологии искусственного интеллекта позволили бы своевременно исключить сотрудника, утратившего основания на предоставление жилья по договору социального найма, из дальнейшего нахождения в очереди.

Конечно, существует ряд проблем в области применения таких технологий. Необходимо преобразовать нормативную правовую базу законодательства, внести необходимые изменения в подзаконные акты; определиться с вопросами гражданско-правовой природы искусственного интеллекта; признать (либо не признать) правосубъектность искусственного интеллекта; решить вопросы обеспечения конституционных прав и свобод гражданина; определить проблему ответственности за результаты деятельности и за гипотетически негативные последствия работы искусственного интеллекта; определить степень участия человека в роботизированных процессах, способности искусственного интеллекта самостоятельно принимать решения. По настоящее время не решены вопросы обеспечения информационной безопасности в работе с применением новейших технологий, ведь в анализируемом правоотношении работа производится с базами персональных данных, поэтому вопрос безопасности крайне важен. Но в целом внедрение инновационных технологий рассматривается как положительное явление, которое необходимо применять в и в институте социального найма жилого помещения.

Список литературы

1. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 22 января 2019 г. по делу № 11-687/2019 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>. Режим доступа: по расписанию.
2. Указ Президента от 10 ноября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 1 декабря 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/.
4. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

Петраков Н. А.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРИРОДА ВИРТУАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ

Ярким примером и достаточно распространенным казусом, иллюстрирующим пренебрежение в том числе и юристами техническими аспектами виртуальной валюты, является утверждение: криптовалюта может храниться в электронном, аппаратном, бумажном или онлайн-кошельке. В действительности же криптовалюта не хранится ни в одном из указанных мест.

О хранении криптовалюты едва ли можно говорить, поскольку информационная система, работающая по технологии распределенного реестра, а точнее по технологии блокчейн, хранит и обрабатывает лишь информацию, об операциях с виртуальной валютой, а не саму валюту. Ее нельзя скачать, отделить, изъять из ее блокчейна и полностью изолировать от третьих лиц, не потому что виртуальная валюта хранится в реестре среди множества пользователей информационной системы и не в связи с «отсутствием в системе криптовалюты контролирующего центра», как указал в одном из постановлений Арбитражный суд Поволжского округа, а потому что виртуальная валюта по своей природе – это производная от информации, ее проекция. Виртуальная валюта, например, биткоин, проецируется следующими сведениями:

- данными о размерах полученного вознаграждения за майнинг;
- данными о размерах комиссии за майнинг;
- данными о размерах поступающих и исходящих транзакций;
- данные о публичном адресе, с которым будет связана информация об итоговом количестве криптовалюты.

Данные сведения формируют так называемый «криптовалютный счет». Так лучше говорить, что в электронном, аппаратном или десктопном кошельках хранится не криптовалюта, а закрытые ключи, позволяющие распоряжаться ей. Сама криптовалюта, проецируемая различными сведениями, содержится в распределенном реестре.

Далее необходимо разобраться с понятием криптовалютный счет, которое более пригодно для бытового использования, нежели для применения в области гражданского права. Слово «счет» взято в кавычки поскольку публичный адрес в действительности не является счетом в том смысле, в котором он используется, например, при заключении договора банковского счета. Публичный адрес выступает в качестве реквизита получателя криптовалюты, однако у него есть и другое назначение. Криптовалютный «счет» – это сведения в распределенном реестре об истории всех операций в системе, в которых фигурирует конкретный публичный адрес. Баланс «счета» формируется путем суммирования всех положительных и отрицательных транзакций, связанных с публичным адресом, за

¹ © Петраков Н. А., 2022.

всю историю операций. В действительности история операций может быть существенно больше и состоять из сотен транзакций. Количество криптовалюты, которое доступно пользователю с публичным адресом А определяется путем суммирования – входящие транзакции положительные, исходящие – отрицательные. Из этого следует, что понятие «счет» в привычном понимании не совсем применимо для виртуальной валюты, поскольку счет должен вестись в отношении каждого пользователя индивидуально, а в случае с виртуальной валютой информация в блокчейне является единым «счетом» для всех.

Для «перевода» криптовалюты одним пользователем другому необходимо внести соответствующую информацию об этом в распределенный реестр. И вновь необходимо сделать оговорку: криптовалюта не переводится подобно безналичным денежным средствам с одного счета на другой, поскольку, как было сказано выше, счетов в привычном понимании в системе блокчейн нет. При переводе денежных средств с одного банковского счета на другой банк выступает гарантом того, что денежные средства со счета отправителя будут списаны, а на счет получателя зачислены. В системе блокчейн по указанным выше причинам отсутствует необходимость вести индивидуальные счета. Следовательно, оборот криптовалюты в действительности представляет собой не движение ее по счетам, а изменение атрибутивной информации в отношении определенного ее количества. Под атрибутивной информацией следует понимать информацию о публичном адресе, с которым будет ассоциироваться передаваемая или получаемая криптовалюта, о ее количестве и об истории операций. На практике не все владельцы вникают в данные детали, поскольку интерфейс программного обеспечения, с помощью которого можно осуществлять криптовалютные транзакции, во многом схож с теми, что предлагают банки или эмитенты электронных денежных средств. Именно поэтому создается иллюзия перевода криптовалюты. В сущности, осуществление «переводов» криптовалюты или транзакций – это результат внесения в блокчейн информации, которая изменяет характеристики определенного количества цифровой валюты. В результате данного изменения либо возникает право распоряжения виртуальной валютой, либо право распоряжения утрачивается в результате передачи криптовалюты другому лицу. Следовательно, под оборотом криптовалюты между участниками децентрализованной сети следует понимать процесс обновления в блокчейне сведений о праве распоряжения объективированной в виртуальные единицы информацией.

Итак, для передачи криптовалюты необходимо разместить в блокчейне следующую информацию:

- публичный адрес отправителя и публичный адрес получателя;
- количество передаваемой криптовалюты.

Следовательно, криптовалюта в сущности – это ни что иное, как информация, объективированная в виде виртуальных единиц, наделенных атрибутами количества, принадлежности к конкретному публичному адресу, а также истории операций с ними. Право распоряжения криптовалютой – есть право вносить в информационную систему, функционирующую по технологии блокчейн, изменения, влияющие на указанные выше атрибуты. Данное право подтверждается

наличием у лица закрытого ключа, коррелирующего с соответствующим публичным адресом.

По-видимому, трудности создания гражданско-правового режима оборота криптовалюты связаны с тем, что ее свойства с трудом и не без оговорок позволяют отнести ее к какому-либо имеющемуся институту. Именно поэтому актуально осмысление сущности криптовалюты с позиции гражданского права. Ответ на вопрос, является ли криптовалюта объектом относительных или абсолютных правоотношений, еще предстоит найти и обосновать. Вероятно, в данном поиске более плодотворным окажется представление о сущности виртуальной валюты как информации.

Список литературы

1. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 67–72.
2. Цифровые права как новый объект гражданского права / [Л. А. Новоселова и др.] // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.
3. Агибалова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33. № 1. С. 90–100.

Самойлова А. К.¹,
 слушатель 373 взвода
 Института подготовки сотрудников
 для органов предварительного расследования
 Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: **Филиппова А. И.,**
 преподаватель кафедры
 гражданского и трудового права, гражданского процесса
 Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОГО ПРАВА

Активно происходящая цифровизация диктует потенциально новые условия развития институтов экономики, права и общественной жизни в целом. Внедрение «цифры» в экономику страны неизбежно повлекло за собой становление цифрового государственного управления, цифровой экономики и цифрового права.

Право, как всеобщий регулятор, должно непременно претерпевать изменения как реакция на появления новых, ранее не урегулированных общественных отношений. Отсюда, цифровое право – новейшая отрасль права для российского законодательства, требующая должной законодательной регламентации. При этом существует и иная позиция, согласно которой цифровое право – не отдельная отрасль права, а лишь «совокупность разнонаправленных правовых норм и институтов, относящихся к различным отраслям (областям) права и регулирующих отношения» [4; с. 3].

Однако, нельзя не согласиться с тем, что область правового регулирования цифрового права довольно велика, и охватывает большую группу общественных отношений из разных областей жизни общества. Сюда относят и дистанционное банковское обслуживание (ДБО), и технологии искусственного интеллекта, и он-лайн-сервисы, цифровые товары и услуги, и, конечно же, блокчейн-технологии, смарт-контракты, криптовалюту и другое.

По своей сути все нормы, так или иначе касающиеся цифрового права, на сегодняшний день имеют своей целью закрепление объектов цифровой экономики, урегулирование сделок в цифровом пространстве, а также обеспечение защиты нарушенных прав рамках реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [6], одним из участников-реализаторов которой является МВД России.

А. А. Карцхия выделяет ряд категорий, подлежащих правовому регулированию с точки зрения цифрового права. К ним относят:

- высокоскоростная сеть «Интернет» («5G»);
- «Интернет вещей»;
- технологии дополненной реальности (технологии виртуальной реальности);
- искусственный интеллект и робототехника;

¹ © Самойлова А. К., 2022.

- блокчейн-технологии, криптовалюта и смарт-контракты;
- технологии «больших данных» (big data);
- облачные сервисы;
- онлайн-платформы, сервисы и другие [3; с. 27–28].

Вышеперечисленные технологии оказывают большое влияние на развитие права, поскольку, с одной стороны, увеличивают эффективность его действия, раскрывая тот потенциал, который необходим для его развития, а с другой – препятствует легальному функционированию на территории страны, ввиду отсутствия норм права.

Функционирование и развитие отрасли цифрового права вызывает вопросы у большинства исследователей, поскольку динамичность рассматриваемой отрасли препятствует ее четкому законодательному закреплению. В. С. Белых и М. О. Болобонова отмечают, что одной из ошибок законодателя является «стремление угнаться за происходящими изменениями путем регламентации всего нового, что попадает в его поле зрения» [2; с. 6].

Говоря об изменениях в базовых правовых понятиях, следует отметить, что законодательство уже претерпевает некоторые изменения в этой части. Так, появляются новые объекты правового регулирования, важной составляющей которых является «цифра». Например, цифровые права, закрепленные в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], явились принципиально новым объектом для всего российского законодательства, по поводу которого возникают, функционируют и прекращаются гражданские правоотношения. Сейчас цифровые права, а также иные цифровые объекты, рассматриваются как обязательственные, имущественные и иные права, однако в дальнейшем, на наш взгляд, они будут приобщены к имущественной категории объектов, в связи с их глобальным распространением.

Важно отметить о появлении новых общественных отношений, наиболее часто возникающих в рамках цифровых правоотношений:

- правоотношения, одной из сторон которых является искусственный интеллект;
- правоотношения, связанные с авторизацией и идентификацией лица в сети Интернет;
- правоотношения, возникающие в рамках и по поводу робототехники;
- правоотношения, связанные с иными цифровыми технологиями, в частности блокчейн и иные;
- правоотношения, связанные с предоставлением товаров, работ и услуг, в том числе государственных, посредством сети Интернет;
- правоотношения, содержащие действия в сети Интернет, влекущие за собой возникновение, изменение и прекращение общественных отношений в реальности.

Говоря более предметно, одним из основных «двигателей» процесса цифровизации права в стране являются блокчейн-технологии, поскольку именно благодаря им развитие получили цифровая валюта и цифровые финансовые активы, а также смарт-контракты. Заключение сделок посредством блокчейн-платформ характеризуется высоким уровнем безопасности, децентрализацией, а также

быстротой осуществления, в виду чего крупнейшими «игроками» российского банковского сектора страны весной 2021 г. был зарегистрирован первый в стране блокчейн-оператор «Система распределенного реестра» платформы «Мастерчейн», направленной на раскрытие потенциала применения блокчейн-технологий в рамках финансового рынка России [7].

На базе блокчейна широкое распространение получили и смарт-контракты, о которых было упомянуто ранее. Опуская раскрытие их сущностной природы, следует сказать о том, что заключение смарт-контрактов регулируется общими нормами гражданского законодательства, в частности ст. 309 ГК РФ. Однако, вопрос о том, является ли смарт-контракт отдельным видом договорных обязательств, до сих пор вызывает дискуссии. На наш взгляд, гибкость гражданского законодательства позволяет не выделять новый вид договора, поскольку электронная форма сделки, в рамках которого путем использования автоматизированной системы происходит исполнение обязательств и осуществляется воля его субъектов, приравнена к письменной и не требует отдельного правового регулирования. Однако, следует согласиться с К. Н. Романовым, который в своем исследовании говорит о создании единой государственной платформы, в рамках которой данные о всех заключаемых смарт-контрактах будут аккумулироваться и формировать базу данных – Единый государственный реестр смарт-контрактов (ЕГРСК) [5; с. 303], что позволит осуществлять мониторинг за законностью заключения указанных соглашений.

Говоря о возможностях правового регулирования криптовалюты в стране, в качестве перспективы развития цифрового права, отметим, что законодатель не раз предпринимал попытки ее правового регулирования, пытаясь создать такую жесткую структурированную систему, в рамках которой криптовалюта могла быть использована для оплаты договорных обязательств [5; с. 303]. В связи с большим объемом финансовых вложений, а также высоким риском проводимых операций, государство стремится централизовать децентрализованный процесс «производства» криптовалюты, что осуществить практически невозможно, ввиду чего сегодня законодательное регулирование криптовалюты на территории России невозможно.

Таким образом, следует констатировать, что процесс цифровизации права, влекущий за собой непрерывный процесс появления и развития новой правовой отрасли – цифрового права, которое призвано урегулировать общественные отношения, связанные с приобретением, владением и отчуждением цифровых прав, а также использованием информационных технологий на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (часть первая) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody-&nd=102033239> (дата обращения: 06.03.22).

2. Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5–14.
3. Карцхия А. А. Цифровое право как будущее классической цивилистики // Право будущего : интеллектуальная собственность, инновации, интернет : сборник статей. Ежегодник. Серия «Правоведение». Вып. 1. 2018. С. 26–40.
4. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4 (519). 17 с.
5. Романов К. Н. Криптовалюта и смарт-контракт в современном мире. // Актуальные вопросы экономики и управления: наука и практика. Кriuлинские чтения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2021. С. 300–305.
6. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 18.11.21).
7. Системы распределенного реестра. URL: <https://www.dltru.org> (дата обращения: 06.03.22).

Саяпина Т. С.¹,

*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Академии управления и производства*

ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

На сегодняшний день все большую значимость приобретают процессы цифровизации различных сфер жизнедеятельности. Относительно исследования договорных отношений, особая роль постепенно отводится, например, смарт-контрактам или «умным договорам» [1, с. 398]. Как справедливо отмечают А. И. Обыденная и С. Г. Голенок, смарт-контракт по сути представляет собой такой договор, который нельзя нарушить, при этом он фактически является аналогом обычного договора [2, с. 96], предусмотренного положениями действующего гражданского законодательства.

Также возрастает значимость применения технологий искусственного интеллекта, благодаря которому многие процессы, в частности порядок заключения договоров, уведомление сторон и т. п., можно сделать автоматическими. При этом это сопровождается активным применением «продуктов» современного «Интернета вещей» [3, с. 79].

Другой вопрос, что правовое регулирование в этой части еще только развивается. Поэтому необходимо исследование ключевых вопросов применения цифровизации договорных отношений. В частности, представляется, что необходимо дополнительное урегулирование специфики возникновения, изменения и прекращения цифровых прав, особенностей применения искусственного интеллекта, порядка и условий заключения договоров с использованием компьютерных систем.

Интерес представляет и отдельное обращение к нюансам формирования судебной практики в исследуемой сфере. На сегодняшний день судебная практика играет, скорее, разъясняющую роль в части рассмотрения положений действующего законодательства. Так, например, о возможности применения электронной переписки для эффективного заключения гражданского договора прямо указано в Постановлении ФАС Дальневосточного округа от 5 августа 2014 г. № Ф03-3226/2014 по делу № А73-12821/2013 [4].

В другом примере в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2021 г. № 305-ЭС20-21965 по делу № А40-4569/2020 «суды установили, что электронный документооборот согласован сторонами, поэтому электронное подписание договора признали надлежащей в силу ст. 160 ГК РФ формой его заключения» [5].

Таким образом, возможность использования электронной формы договоров, по сути, согласуется с интересами участников гражданских отношений, способствует более оперативному заключению договоров, формирует условия для эф-

¹ © Саяпина Т. С., 2022.

фективного гражданского оборота. Однако в связи с тем, что практика применения цифровых технологий еще только развивается, представляется, что в гражданско-правовой сфере необходимы дополнительные нормы, регламентирующие особенности осуществления договорных правоотношений в электронной форме. Причем такие изменения нужно внедрять именно исходя из тенденций судебной практики, что позволит сделать гражданский оборот более эффективным и соответствующим современным реалиям цифровизации.

Список литературы

1. Шайдуллина В. К. Трансформация договорного права в условиях цифровой экономики // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 3(32). С. 398–402.
2. Обыденная А. И., Голенок С. Г. Правовое регулирование смарт-контрактов в законодательстве Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-6. С. 95–100.
3. Царева А. Е. Некоторые аспекты договорного перехода прав на системы искусственного интеллекта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21. № 4. С. 79–84.
4. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 5 августа 2014 г. № Ф03-3226/2014 по делу № А73-12821/2013. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.05.2022).
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2021 г. № 305-ЭС20-21965 по делу № А40-4569/2020. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.05.2022).

Сергеев К. Б.¹,

аспирант Российского университета дружбы народов

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ОБЛАСТИ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ

Организации, которые осуществляют надзор в области ритуально-похоронного дела в стране, руководствуются текущим законом «О погребении и похоронном деле». Он был принят еще в 1996 г. и не потерял своей актуальности в настоящее время. Все предприятия, от ритуальных агентств до органов управления, в компетенцию которых входит надзорная деятельность, должны учитывать его положения при организации своей работы.

Похоронная инфраструктура в нашей стране отличается разветвленностью. Кладбища обычно располагаются вдали от крематориев и моргов, и наоборот. У каждого из вышеперечисленных объектов свои обязанности и права, некоторые из которых никак не перекликаются между собой.

Несмотря на наличие действующих законов, которые обязаны регулировать деятельность данных организаций, текущее состояние рынка похоронных услуг оставляет желать лучшего. Причина в том, что законодательство не в полной мере регулирует данную сферу, что приводит к частому нарушению закона различными органами, субъектами и частными лицами [1, с. 85].

В СССР деятельность ритуальной сферы полностью контролировало государство. Но после распада Союза похоронная отрасль стала самостоятельной. Впервые были созданы частные ритуальные компании, которые в настоящий момент преобладают на рынке и составляют серьезную конкуренцию оставшимся государственным ритуальным агентствам [2, с. 90].

Так как, под субъектом мошенничества обычно понимается физическое лицо, сознательно вводящее в заблуждение потерпевших, обманывая их в корыстных целях [3, с. 49–50], то можно прийти к выводу, что при наличии острой конкуренции между участниками рынка ритуальных услуг, возникает огромное количество различных путей для мошенничества, путем вымогательства денежных средств не только ритуальными агентствами, но и медицинскими работниками, сотрудниками специализированных служб, а также полицейскими.

Достаточно распространённой проблемой являются негласные связи медицинских работников с представителями похоронных бюро. Например, в случае гибели человека, люди в первую очередь связываются с работниками скорой помощи, которые сразу передают информацию своим «коллегам» – представителям похоронных бюро. Представители похоронных бюро в этот же момент начинают навязывать свои услуги тем, кто столкнулся с трагедией. Именно такие негласные связи и есть как ничто иное, как обстоятельства, представляющие собой

¹ © Сергеев К. Б., 2022.

коррупционные преступления, ведь, представление подобной информации осуществляется за определенное вознаграждение – процент с полученной прибыли похоронным бюро.

В научной литературе существует большое количество мнений авторов, которые так или иначе рассматривают коррупцию не только, как правовое явление, которое можно было бы квалифицировать конкретной нормой права, а как социально-экономический, криминологический феномен, который отличается своим содержанием по структуре и уровням [4, с. 44]. Так, С. В. Максимов к деяниям коррупционного характера относит любое использование или манипулирование служебной информацией в личных или групповых интересах [5, с. 43–44].

Следующее, на чем стоит остановиться – это констатация смерти человека. Констатация биологической смерти человека осуществляется медицинским работником (врачом или фельдшером) и оформляется в виде протокола установления смерти человека по форме, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 950 [6]. На этом этапе возникает возможность совершения коррупционного преступления: медицинским работникам для сокрытия достоверных фактов о смерти может быть предложено изменить данные протокола установления смерти человека за вознаграждение, или же наоборот, медицинский работник может выступить с инициативой замены данных, удобных/нужных для тех, кто его вызвал, что, как известно, может быть квалифицировано по ст. 291.2 УК РФ. Например, на этот счет есть мнение, что внесение заведомо ложных сведений в акт обследования, можно квалифицировать, как преступление в сфере экономической деятельности, которое выступает своего рода в роли *lex specialis*, являющие собой частные случаи хищения либо причинения имущественного ущерба путем обмана и (или) злоупотребления доверием [7, с. 122].

Транспортировка умершего – еще одна важная особенность, на которой стоит сделать акцент. Именно в этот момент, для заинтересованных лиц, открывается еще одна возможность для мошенничества: часто людям предлагается оказать данную услугу на платной основе. Большинство людей не знают, что транспортировку покойного в морг уполномоченная организация осуществляет бесплатно. Это отмечено регламентом любого территориального субъекта страны. К примеру, в соответствии с п. 3.6 приказа Департамента здравоохранения г. Москвы от 29 декабря 2016 г. № 1064, в Москве доставка тел умерших на дому в морги осуществляется бесплатно бригадой отдела по перевозке тел умерших (погибших) Бюро судмедэкспертизы. То есть, можно сказать, что заинтересованные в обогащении представители организации, путем обмана вымогают денежные средства у людей, которые столкнулись с горем. По мнению Р. Б. Осокина, виновность как признак преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием, означает установление у виновного умышленной формы вины, а именно: осознание им общественной опасности совершаемых деяний, совершенных посредством обмана и (или) злоупотребления доверием, предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий в виде имущественного ущерба

[7, с. 125]. Данный факт можно квалифицировать как мошенничество в соответствии с ч. 1 ст. 159 УК РФ. В таком случае, если лицо было признано виновным в совершении противоправного деяния, к нему могут быть применены различные меры ответственности. Например, штрафные санкции в сумме до 120 000 руб. или размера годового оклада или иного дохода за тот же период, либо исправительными работами до 360 ч. В особо тяжелых случаях могут лишить свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на тот же период [8].

К тому же морг обязан бесплатно хранить тело покойного, если неизвестна причина смерти. В том случае, когда существуют обстоятельства, затрудняющие погребение, бесплатное хранение может быть продлено до двух недель, согласно п. 2 ст. 8 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле». Существует практика, когда людям предлагают оставить тело на эти периоды за денежные средства, что так же можно квалифицировать как мошенничество.

Причина смерти и установка соответствующих диагнозов становятся известны в процессе вскрытия тела покойного. В законе «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» сказано, что если у родственников умершего есть особые мотивы, например, связанные с религиозным мировоззрением, от вскрытия они могут отказаться. Для реализации этого права достаточно письменного заявления от близкого родственника. Но практика показывает, что в некоторых случаях, когда родные сами не заявляют о соблюдении такого права, сотрудники морга за деньги, в обход закона, предлагают родным покойного не проводить вскрытие, что так же является нарушением законодательства Российской Федерации и влечет за собой коррупционное преступление.

Стоит отметить, что в соответствии п. 6.5.2 Инструкции № 219; пп. 2.3.7, 2.3.8 ГОСТ 32609-2014 морги предоставляют как бесплатные, так и платные услуги. К бесплатным услугам относят сохранение тела в течение семи дней (в случае чрезвычайных обстоятельств и по заявлению родственников сохранение тела до 14 дней) о чем уже говорило выше; омовение тела; облачение в переданную одежду и помещение в гроб; а также вынос тела в траурный зал. К платным услугам относят бальзамирование, устранение посмертных дефектов и подготовка тела к траурной церемонии. Но как показывает практика, большую часть бесплатных услуг, заинтересованные лица преподносят непросвещенным лицам в разрезе платных, что влечет за собой коррупционное преступление.

Безвозмездное погребение представляет собой комплекс мероприятий предоставляемых родственникам умершего без оплаты в соответствии с текущими требованиями законодательства, включает:

- подбор всех справок для захоронения;
- гроб и его транспортировку к месту захоронения;
- закупку всех обязательных ритуальных элементов;
- аренду катафалка или иной способ доставки тела умершего или его останков, причем как на кладбище, так и в камеру крематория.

Важной особенностью бюрократической системы является оформление документов. Необходимо знать, что в течение 24 ч с момента установления причины смерти должны быть выданы документы, необходимые для организации

погребения, в том числе медицинское свидетельство, согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле». Многие пользуются незнанием гражданами данного факта, и предлагают за денежные средства «ускорить» данный процесс в течение суток. Стоит заметить, что в соответствии с п. 1 ст. 333.39 НК РФ свидетельство о смерти выдается бесплатно, тут, конечно же, процент совершения коррупционного преступления снижается, на основании общей осведомленности бесплатной выдачи свидетельств, но он все равно имеется.

Большая часть коррупционных преступлений совершается именно в процессе организации похорон. Причина в том, что в процессе организации похорон родственникам умершего поступают недвусмысленные предложения, связанные с решением финансовых вопросов в области ритуальных услуг. Среди них можно выделить следующие примеры нарушения законодательства: покупка места на кладбище в обход существующих принципов оплаты (без чека и за наличный расчет); незаконное расширение территории существующего захоронения (за счет изъятия земли с соседних территорий без разрешения собственников участка); отказ от полномочий представителя, отвечающего за организацию похорон (передача прав третьим лицам без законной переуступки); любые работы с сооружениями на кладбище без получения соответствующих допусков у руководства и прочие. Все перечисленные ситуации являются примерами нарушения законодательства в области ритуальных услуг, которые крайне сложно отследить в силу специфики отрасли.

Анализ судебно-следственной практики по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных путем обмана и (или) злоупотребления доверием в разрезе области ритуальных услуг, свидетельствует об отсутствии дел по приведенным выше примерам. Можно предположить, что причиной является наличие ряда обстоятельств, доказывающих явное несоответствие фактического характера и степени общественной опасности этих деяний их законодательному закреплению [7, с. 127]. Так, например, в результате открытого судебного заседания по рассмотрению кассационной жалобы административных истцов по вопросу обращения в Первомайский районный суд города Кирова с административным иском заявлением к прокуратуре Кировской области и следственному управлению Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области о признании незаконными действий, связанных с отказом в проведении следственных и доследственных мероприятий в отношении органов власти и отказами в возбуждении уголовных дел за незаконное присвоение пособия на погребение, вымогательство денежных средств на транспортировку трупа, а также о выплате компенсации морального вреда, оставили без удовлетворения¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время область ритуальных услуг не так эффективно регулируется законодательными актами. В ос-

¹ Кассационное определение Следственного Комитета по административным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 6 августа 2020 г. по делу № 8а-16810/2020[88а-16953/2020].

нове стоит всего один Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», который в основном и регулирует данную сферу. Но помимо данной правовой основы, в правовой системе Российской Федерации есть еще несколько нормативных правовых актов, которые регулируют и охраняют установленный порядок в области ритуальных услуг. К ним относятся некоторые статьи Уголовного и Налогового кодексов Российской Федерации, а также Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Постановление Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 950, Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации, а также различные законодательные акты субъектов Российской Федерации в области ритуальных услуг и похоронного дела. Вместе с тем эти нормативные правовые акты характеризуются бессистемностью и противоречивостью, что создает предпосылки для совершения коррупционных преступлений со стороны недобросовестных граждан.

Список литературы

1. Мохов С. В. Рынок ритуальных услуг в современной России: поломка похоронной инфраструктуры как властный ресурс // Социология власти. 2016. № 28 (4). С. 83–103.
2. Елютина М. Э. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 86–94.
3. Осокин Р. Б. Об интеллектуально-психологических качествах субъекта мошеннических посягательств // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2017. № 3. С. 49–50.
4. Артемьева М. В. Коррупция и коррупционные преступления // Юридическая наука. 2011. № 1. С. 43–47.
5. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность : монография. М. : ЮрИнфоР, 2000. 255 с.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» // Российская газета. 2012. № 220.
7. Осокин Р. Б., Немтинов Д. В. К вопросу о признаках преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием // Общество и право. 2016. № 2(56). С. 121–128.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Староверова О. В.¹,

профессор кафедры

гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент,

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И КРИПТОВАЛЮТЫ

В настоящее время вопрос правового регулирования криптовалюты становится все более актуальным: это сопряжено со значительными темпами роста оборота электронных валют по всему миру. Цифровые деньги вызывают большую заинтересованность со стороны как крупных инвесторов, так и широких слоев населения, готовых инвестировать средства и ресурсы в стремительно развивающийся сегмент рынка.

На сегодняшний день Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является одним из немногих нормативных правовых актов, призванных отрегулировать правовые отношения в сфере применения цифровой валюты [3].

Федеральным законом регулируются отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации (ст. 1 ч. 1) [1]. Установлено, что право на владение цифровыми финансовыми активами (ЦФА) возникает с момента их внесения в информационную систему. В качестве возможных держателей ЦФА допускаются либо юридические лица, либо физические, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей (ст. 2) [1].

Большая часть закона представляет собой нормативную регуляцию деятельности операторов информационных систем – порядок согласования правил системы, обязанности по ее ведению, ответственность оператора в случае сбоя, повлекшего за собой частичную или полную утрату средств пользователей и т. д. (ст.ст. 5–11) [1]. Согласно закону, ЦФА могут выступать в качестве подтверждения обеспечения прав на эмиссионные ценные бумаги, а также удостоверить права участия в капитале акционерного общества (ст.ст. 12–13) [1].

Вторая половина федерального закона описывает незначительные поправки в ряд других нормативно-правовых актов (в их числе федеральные законы «О несостоятельности (банкротстве)», «О противодействии коррупции», «О национальной платежной системе и т. д.») (ст. 15–26) [1]. Изменения касаются статуса цифровой валюты – она признается не просто совокупностью электронных данных, а имуществом [4].

¹ © Староверова О. В., 2022.

На наш взгляд, в данный момент принятый федеральный закон содержит в себе ряд неточностей и противоречий, и особых достоинств не имеет. С другой стороны, это первый шаг на пути к созданию продуманных нормативных правовых актов, и первая попытка отрегулировать динамичную жизнь рынка криптовалют. Хочется надеяться, что в будущем законодатели озаботятся созданием положений, которые в полной мере будут отвечать требованиям современного цифрового мира. К одному из главных недостатков можно отнести плохо проработанную терминологию, которая во многом не соответствует международной. Закон вводит ряд понятий, смысл которых весьма туманный, при этом опуская часть общепринятых на рынке цифровых валют терминов (к примеру, понятия «майнинг» и «блокчейн» отсутствуют как таковые). Под определение криптовалюты, данного в ст. 1, подпадает даже любая игровая валюта. Предположение, что законодателю неизвестны не упомянутые в тексте закона понятия, вызывают серьезные сомнения. Возможно, разработчики акта сделали это намеренно.

Закон запрещает использование криптовалюты в качестве платежного средства, очевидно, здесь присутствует попытка придать ей инвестиционную природу. Статья 14 п. 6 указывает, что права на цифровую валюту являются объектом судебной защиты только при условии информирования государственных органов владельцами цифровых средств о факте обладания ими. Однако неясен ни порядок такого информирования, ни его связь с правом судебной защиты валюты [3]. Наконец, так и не прояснилась ситуация с налогообложением в цифровой сфере. Например, признают ли в налоговой инспекции документы, представленные налогоплательщиками, и его расчеты курса криптовалют? [2] Как отметила Мария Аграновская – адвокат московской коллегии «ГРАД» – «... закон стал разочарованием. Он был призван объединить понятийный аппарат в отношении цифровых активов, дать основу для законной деятельности всех участников рынка, привести в порядок разрозненную практику для судов и позволить банкам работать с криптовалютами» [2]. К сожалению, пока существующих противоречий и неясностей закон не устранил; скорее, он даже пополнил их список.

На наш взгляд, закон нуждается в доработке, это касается, прежде всего, понятийного аппарата, из-за которого возникает основная масса неувязок. Кроме того, требуется разработать общие принципы функционирования криптотрейдинга и противодействия мошенничеству на рынке цифровых валют. К примеру, запретить деятельность криптокошельков и криптообменников, незарегистрированных или не получивших разрешения на осуществление своей деятельности. Эти пункты можно оформить как в виде отдельных правовых актов, так и в качестве дополнения к уже действующему федеральному закону.

Беспокойство вызывает и усложненная схема получения права на судебную защиту цифрового имущества. Получается, что без оповещения о проведении операции с криптовалютой и исполнения налоговых обязанностей владелец ЦФА не сможет рассчитывать на правовую защиту во время судебного разбирательства. На мой взгляд, это может подорвать основы гражданского правопорядка: в стремлении контролировать новый для законодательства сектор экономической сферы не стоит умалять значение гражданско-правовых отношений. Следовательно, данный раздел также требует пересмотра – порядок получения

права на судебную защиту не должен быть труднее нелегальных способов восстановления справедливости.

В настоящее время большинство стран мира (уровень развития законодательства в области ЦФА не имеет значения) солидарны с мнением, что рынок криптовалют обладает огромным потенциалом. Они также отдают себе отчет в том, что цифровые валюты можно использовать в различных мошеннических схемах, в том числе для отмывания цифровых средств, которые были получены криминальными путями, и для финансирования террористических организаций.

Российское законодательство не должно отставать от зарубежного. Так наш рынок криптовалют набирает обороты не меньшими темпами, поэтому долго игнорировать развитие цифрового рынка не получится, рано или поздно он достигнет таких масштабов, что без государственного вмешательства и регулирования уже будет не обойтись. Согласно ст. 1 Конституции Российской Федерации, Россия есть правовое государство, и остальные правовые акты не должны противоречить этому утверждению [5]. Вместе с тем, законы не должны ограничивать права граждан на защиту своего имущества, будь оно заключено в реальных активах или цифровых.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 12.05.2022).
2. «Закон о ЦФА разочаровал». Юристы о проблемах регулирования криптовалют // АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/609cde479a79476520868c07> (дата обращения: 12.05.2022)
3. «Криптовалюта в России: насколько новое регулирование адекватно?» // URL: <https://vc.ru/crypto/187658-kriptovalyuta-v-rossii-naskolko-novoe-regulirovanie-adekvatno> (дата обращения: 12.05.2022)
4. Нафин М. М. Правовой режим криптовалют в Российской Федерации // URL: https://ui-miit.ru/files/docs/vestnik-ui/vestnik_ui_33_annex.pdf 2021 (дата обращения: 12.05.2022).
5. Конституция Российской Федерации // Гарант–Интернет. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 12.05.2022).

Шаповалов Я. А.¹,

адъюнкт

факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: Шаронов С. А.,

профессор кафедры

гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

РОЛЬ СУБЪЕКТОВ ЧАСТНОГО ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На современном этапе общественного развития в условиях новых вызовов и угроз не вызывает сомнения актуальность вопросов обеспечения национальной безопасности. Однако если ранее прерогатива защиты интересов общества и государства принадлежала органам государственной власти, то в настоящее время нельзя обойти стороной некоторые ее частноправовые аспекты.

Обоснованность существования частноправового подхода к деятельности по обеспечению безопасности обусловлена объективными причинами, выраженными в нормативном регулировании этих общественных отношений.

На основе анализа Стратегии национальной безопасности [5] установлено, что национальная безопасность России предполагает обеспечение состояния защищенности ее национальных интересов от различного рода угроз, при котором граждане могут свободно осуществлять свои права и которая обеспечивается за счет реализации стратегических национальных приоритетов. Среди национальных интересов необходимо выделить «защиту жизни и здоровья граждан, всех форм собственности от противоправных посягательств», представляющих собой объекты гражданских прав, состояние безопасности которых может быть обеспечено и частноправовыми средствами, например, посредством осуществления частной охранной деятельности [8, с. 265]. Следует отметить, что и другие объекты гражданских прав нуждаются в адекватной защите. Так, Стратегией установлены требования к повышению уровня антитеррористической защищенности (далее – АТЗ) мест массового пребывания людей, транспортной, топливно-энергетической, промышленной инфраструктуры и других объектов потенциальных террористических посягательств.

Решение поставленной задачи видится в привлечении физических и юридических лиц к деятельности по АТЗ принадлежащих им на праве собственности или ином законном основании объектов, используемых ими для осуществления предпринимательской, культурной, социальной и другой деятельности. Такая обязанность прямо возложена ч. 3.1 ст. 5 Федерального закона от 6 марта 2006 г.

¹ © Шаповалов Я. А., 2022.

№ 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [6]. Помимо названного правового акта участие частноправовых субъектов в деятельности по противодействию терроризму предусмотрено и соответствующей Концепцией [3], а также аргументируется результатами научных цивилистических исследований [10].

Таким образом, в силу наличия перечисленных и иных правовых норм физические и юридические лица являются субъектами противодействия терроризму в установленных законом случаях. Сущность их антитеррористической деятельности заключается в выполнении требований к АТЗ зданий, строений, сооружений и других объектов, устанавливаемых постановлениями Правительства Российской Федерации. Данными подзаконными актами определяются организационные, производственные, охранные, инженерно-технические и трудовые меры, направленные на недопущение совершения террористического акта.

Следует отметить и иную частноправовую сторону этой деятельности – защищая различные категории объектов (спорта, культуры, торговли, промышленности и т. п.), участники гражданского оборота прежде всего защищают объекты гражданских прав – имущество, жизнь и здоровье, результаты работ, обеспечивают продолжение процесса оказания услуг, создают возможность для реализации своих интеллектуальных способностей. Такими более узкими объектами защиты эта деятельность отличается от АТЗ, осуществляемой органами государственной власти, для которых объектами защиты являются более общие явления – суверенитет, конституционные строй, общественная безопасность [7, с. 51]. Однако, несомненно, защита от противоправного посягательства гражданских прав как частного является условием состояния защищенности общества как целого. Ввиду чего возможно утверждать о частноправовом аспекте АТЗ как о части целостного многогранного процесса АТЗ, выступающего в свою очередь составным элементом обеспечения национальной безопасности России.

Деятельности субъектов частного права по АТЗ объектов присущи и частноправовые средства ее осуществления. Так, например, назначение ответственных за безопасность объекта лиц обуславливает включение в трудовой договор соответствующих трудовых функций работников, установление внутриобъектового и пропускного режима достигается путем принятия соответствующих локальных актов. Для надлежащего инженерно-технического оснащения и обеспечения физической защиты необходимо заключение целой системы договоров оказания услуг, выполнения работ и соглашений, направленных на передачу имущества. Одним из самых основных частноправовых средств является договор оказания охранных услуг соответствующего вида [2], антитеррористическая функция которого уже была исследована средствами цивилистической науки [9, с. 522–523].

Подводя итоги публикации, необходимо отметить, что одним из приоритетных направлений противодействия терроризму является использование полного объема юридических средств [1, с. 11], одними из которых могут быть и являются частноправовые средства. Исследователи также отмечают, что реализация направленных на обеспечение национальной безопасности мер осуществляется с привлечением «негосударственных организаций и граждан» [4, с. 19]. Представленные в настоящей публикации аспекты позволяют сделать вывод о том, что участники гражданского оборота, реализуя свои обязанности по выполнению

требований к АТЗ объектов, выступают субъектами обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. Жалыбин С. В. Юридическая институционализация современной российской антитеррористической политики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02. Ростов-н/Д : Ростовский юридический институт МВД, 2006. 25 с.
2. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 100.
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009) // Российская газета. 2009. № 198.
4. Куковский А. А. Национальная безопасность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М. : Российский университет кооперации, 2011. 22 с.
5. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
6. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.
7. Шаповалов Я. А. Соотношение антитеррористической защиты объектов, осуществляемой участниками гражданского оборота, с иными видами антитеррористической защиты // Юридический мир. 2022. № 4. С. 48–53.

Шелкович М. Т.¹,

доцент кафедры гражданского права и процесса

Российского государственного гуманитарного университета,

кандидат юридических наук

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Целью настоящего исследования является анализ принципов и направлений отраслевой правовой политики России в контексте эффективности отдельных разделов отечественного законодательства с учетом категории «общественные интересы», определенных на основе законодательства о стратегическом планировании.

Под эффективностью предполагается понимать степень обеспечения соответствующим правовым институтом общероссийских интересов. Для определения показателей эффективности частноправовых и иных отраслей отечественного законодательства, выявления причин недостаточной эффективности и способов их устранения, необходимо последовательно решить ряд задач:

- оценка текущей правовой системы России с целью установления ее потенциала к защите всех законных интересов, в том числе индивидуальных, групповых, общественных и государственных, образующих совместно систему общероссийских интересов;

- рассмотрение возможности объединения разных видов интересов внутри единой отрасли права (подотрасли, института, субинститута), обеспечивающей решение не только текущих задач, но и имеющей возможность учитывать, в процессе правового совершенствования государства, интересы будущих поколений граждан России;

- анализ степени реализации различных интересов (эффективности) через единую систему правовых актов внутри отрасли или института права, выявление связей между конкретными интересами и действующими правовыми актами, учитывая дату принятия последних и период их действия;

- изучение текущих правовых актов, определяющих цели и средства правовой политики России в среднесрочной и долгосрочной перспективе, в том числе документы, принятые в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1];

- попытка формулирования компромиссной, имеющей потенциал для широкого одобрения, системы общественных интересов и формулирование соответствующих правовых новаций, позволяющих повысить эффективность отраслевых норм;

- рассмотрение отраслевого правового акта в качестве способа согласования разнонаправленных интересов, их реализации и защиты уже в форме определенных субъективных прав и обязанностей и, на этой основе, оценка эффективности НПА путем использования ключевых показателей эффективности.

¹ © Шелкович М. Т., 2022.

Количество принимаемых нормативных правовых актов в России находится на высоком уровне, в 2020 г. было принято 553 федеральных закона, по некоторым оценкам это абсолютный мировой рекорд. Если есть потребность столь динамичной перманентной корректировки действующей правовой системы, возможно, следует дать оценку текущему состоянию отдельных институтов законодательства, определить цели и ожидаемые итоги законодательных новелл.

В условиях цифровизации мы можем яснее наблюдать слабость традиционных методов исследования современной правовой науки, как правило, используется исторический и сравнительно-правовой подход, делаются предложения по совершенствованию норм, что стало уже неотъемлемой частью любой работы в сфере права. Критика поощряется и приветствуется, предлагаются формулировки и дополнения, однако цели института и способы их достижения, как правило, анализируются слабо. В этой части разрыв между трудом ученых, законодателей и правоприменителей имеет значительные масштабы.

Одним из наиболее перспективных путей создания объективной оценки эффективности правового регулирования конкретного института может служить создание системы показателей эффективности отдельного акта или совокупности последних, объединенных по отраслевому или иному признаку. Самые важные показатели, принято именовать ключевыми, в идеальном случае они должны быть количественными. В самом общем случае такими ключевым показателем эффективности для нормативных актов будут выступать их стратегические цели, закрепленные в законодательстве о стратегическом планировании.

К примеру, если проанализировать совокупность норм о защите исключительных прав, можно установить, что ст. 44 Конституции Российской Федерации [2] всем гарантирует свобода творчества и его результаты охраняются законом. Таким образом, целью данного института права будет создание средств защиты исключительных прав. Интерес же общества, состоящий в возможности безвозмездного использования таких объектов при определенных обстоятельствах, также охраняется. Баланс интересов создателя и пользователя установлен в ГК РФ с определенным смещением в сторону творца, что согласуется с нормами более высокого порядка и, конечно, может быть скорректировано [3]. Например, права на программы для ЭВМ получили в нашей стране беспрецедентную охрану, в том числе в качестве объекта авторских прав с чрезмерным сроком охраны для таких динамично развивающихся результатов интеллектуальной деятельности. Ключевыми показателями эффективности охраны прав на товарные знаки могут быть, наряду с оценкой общего количества удовлетворенных исков и удовлетворенных заявок на регистрацию, еще и соотношение знаков, имеющих правообладателя – резидента по состоянию на различные даты. Явное доминирование зарубежных правообладателей как в сфере средств индивидуализации, так и в области патентов, может быть показателем низкой эффективности целого массива российского права, включая нормы антимонопольного, налогового и таможенного законодательства.

Список литературы

1. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 17.04.2022).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 17.04.2022).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (часть четвертая) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629 (дата обращения: 17.04.2022).

Шипулин Г. Ф.¹,

*преподаватель кафедры информационной безопасности
Московского политехнического университета*

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ КРАЖИ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА (П. «Г» Ч. 3 СТ. 158 УК РФ) ОТ ОБЩЕУГОЛОВНОГО МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА (СТ. 159 УК РФ)

Процесс цифровой трансформации, наряду с предоставлением доступа к перспективным возможностям цифровой экономики широкому кругу субъектов права, также открывает новые возможности для совершения противоправных деяний преступникам [1, с. 98; 2, с. 10; 3, с. 91; 4, с. 8]. Сегодня злоумышленники все чаще используют уязвимости, имеющие место в исходном коде программного обеспечения, для получения незаконного доступа к услугам в финансово-кредитной сфере (банковские приложения и пр.) в целях реализации преступного умысла по присвоению денежных средств граждан и (или) иного имущества (цифровой валюты, цифровых финансовых активов) [5, с. 40].

Важно подчеркнуть, что подготовка единых критериев отграничения различных форм хищений, осуществляемых с использованием информационных технологий, представляет собой перспективное направление научных разработок в рамках современной науки уголовного права.

Важную проблему в рассматриваемой сфере представляет подготовка критериев дифференциации кражи с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) с иными составами преступлений, а именно:

- во-первых, от общеуголовного состава мошенничества, совершаемого в отношении электронных средств платежа, которое реализуется через сетевые ресурсы (в том числе информационно-телекоммуникационной сети Интернет ст. 159 УК РФ);
- во-вторых, от мошенничества, которое реализуется посредством применения использованием электронных средств платежа (в том числе банковских карт ст. 159.3 УК РФ);
- в-третьих, от мошенничества, которое реализуется через «взлом» технических процессов, протекающих в сервисах дистанционного банковского обслуживания (ст. 159.6 УК РФ).

Требуется указать, что в рамках положения п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разрешается спорный вопрос, касающийся способа реализации объективной стороны противоправного деяния по ст. 159.6 УК РФ. Исходя из его содержания, эти действия состоят не в обмане и (или) злоупотреблении доверием потерпевшего [5, с. 41].

¹ © Шипулин Г. Ф., 2022.

Важно подчеркнуть, что способ реализации противоправных действий, образующих деяние, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ, разъясненный в рамках позиции, изложенной в указанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, является неординарным для совершения хищения путем мошеннических действий. Это положение требует пересмотра понимания мошенничества как формы хищения, которое сложилось в отечественной уголовно-правовой доктрине [6, с. 579; 7, с. 68; 8, с. 389; 9, с. 349; 10, с. 31].

Необходимо отметить, что в рамках исходной интерпретации, в рамках п. 1 известного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации предполагалось рассмотрение исследуемого состава преступления как реализуемого «... путем вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации», то есть способом, характерным не для мошенничества как формы хищения. Это обосновывалось отсутствием единого понимания способа совершения исследуемого деяния [11].

Требуется подчеркнуть, что рассматриваемая проблематика, касающаяся вопроса о наличии (отсутствии) необходимости рассматривать известный состав преступления в качестве самостоятельной формы хищения, обусловлена недостатками юридической техники, примененными при его конструировании: наименование этой нормы является буквальным переводом наименования ст. 8 «Компьютерное мошенничество» (Computer fraud) Конвенции «О преступности в сфере компьютерной информации» (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [12]. Требуется полагать предпочтительным в контексте характерной для отечественной уголовно-правовой доктрины интерпретации мошенничества как формы хищения, которая осуществляется путем обмана или злоупотребления доверием, скорректировать конструкцию уголовно-правовой нормы ст. 159.6 УК РФ с применением правил юридической техники, которые были использованы иностранным законодателем применительно к норме ст. 212 УК Республики Беларусь, которой устанавливается ответственность за совершение «хищения в сфере компьютерной информации» [13, с. 98–100]. Иными словами, следует констатировать, что сегодня в рамках ст. 159.6 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за совершение самостоятельной формы хищения, которая является несводимой к такой форме хищения, как мошенничество [5, с. 42].

В соответствии с разъяснениями, представленными в рамках рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ квалифицируется деяние, при совершении которого злоумышленниками не осуществлялось противоправное воздействие на ЭВМ и (или) информационные сети, состоящее в несанкционированном применении учетных данных потерпевшего в целях изменения сведений относительно движения финансовых средств, о состоянии банковского счета, независимо от конкретного способа получения доступа к искомым учетным данным:

- использование телефона потерпевшего с целью получения доступа к банковскому приложению (тайно; обманным путем);
- авторизация в банковском аккаунте потерпевшего путем указания полученных ранее учетных данных;
- иные способы.

Рассмотрим примеры из правоприменительной практики:

Пример 1. Д. (осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), воспользовавшись предоставлением во временное пользование мобильного телефона потерпевшего, осуществил несанкционированный перевод 17 тыс. руб. с его банковского счета через банковское приложение¹.

Пример 2. Г. (осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) присвоил банковскую карту потерпевшего, применил ее с целью оплаты купленных товаров в магазине, причинив ущерб на сумму 2 172 руб. 68 коп.².

Важно подчеркнуть то обстоятельство, что правоприменителю требуется квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ хищения, которые осуществлены в условиях, когда похититель вошёл в доверие к потерпевшему, добровольно сообщившему сведения об учетной записи (логин, пароль) на официальной сайте банковской организации, PIN-коде банковской карты, иной информации, которая предоставляет виновному доступ к банковскому счету потерпевшего, осуществлению перевода (выдачи) хранящихся на нем денежных средств. Рассмотрим пример из правоприменительной практики. М. (осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) через использование банковской карты потерпевшего обналичил с банковского счета последние денежные средства, причинив ущерб на сумму 33 тыс. руб.³

В соответствии с разъяснениями, представленными в рамках постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 201 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» необходимо квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ деяния, которые заключаются в хищении чужого имущества (приобретении права на таковое) путем создания поддельных веб-сайтов благотворительных организаций; поддельных веб-сайтов интернет-магазинов; спам-рассылки через использование e-mail, то есть посредством распространения таким образом сведений, которые являются заведомо ложными, в компьютерных сетях, в частности, информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Важно указать, что хищение, которое было осуществлено путём обмана потерпевшего с применением вредоносного программного обеспечения, необходимо квалифицировать по ст. 159 УК РФ [5, с. 43]. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что известное деяние требует дополнительной квалификации по ст.ст. 272, 273 или 274.1 действующего уголовного закона, в следующих случаях:

- получение неправомерного доступа к компьютерной информации;
- реализации через создание, распространение и использование вредоносного программного обеспечения.

Рассмотрим примеры из правоприменительной практики.

¹ Приговор Центрального районного суда г. Воронежа от 25 октября 2018 г. по делу № 1-312/2018.

² Приговор Домодедовского городского суда Московской области от 6 ноября 2018 г. по делу № 1-399/2018.

³ Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 20 сентября 2018 г. по делу № 1-275/2018.

Пример 1. Б. (осужден по ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 272, ч. 2 ст. 273 УК РФ) приобрел путем копирования на жесткий диск ЭВМ. принадлежащего ему праве собственности, программного обеспечения, обладающего функционалом, позволяющим оператору получать несанкционированный доступ к удаленным ЭВМ по компьютерной сети, управлять им, осуществлять в отношении размещенной на его накопителе информации: блокирование; копирование; модификацию; уничтожение. Далее Б. переслал электронное сообщение, во вложении к которому были размещены указанные вредоносные программы, используя средства e-mail, известному виновному индивидуальному предпринимателю. Письмо было открыто на ЭВМ потерпевшего, что повлекло внедрение зараженного вредоносного программного обеспечения в операционную систему, обеспечив Б. возможность удаленно использовать предоставляемый функционал. Получив несанкционированный доступ к удаленному ЭВМ, Б. осуществил блокирование хранимой на нем информации, препятствуя его эксплуатации законным владельцем. После этого Б. перевел на собственный счет денежные средства жертвы¹.

Пример 2. Братья С. (осуждены по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ, ч. 2 ст. 273 УК РФ) организовали в рамках информационно-телекоммуникационной сети Интернет веб-сайты, исходный код которых содержал вредоносный код, способный блокировать работу операционных систем ЭВМ лиц, их посещавших; после блокирования, на эти ПК поступали сообщения с требованиями перечислить в качестве штрафа за противоправные действия, состоящие в несанкционированном доступе и копировании порнографических материалов. Адресатом данных сообщений указывалось Управление «К» МВД России².

Подводя итог настоящему исследованию, представляется необходимым указать, что разграничение составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и частями ст. 159.6 УК РФ, представляет интерес для проведения учеными-криминалистами новых научных разработок. Стремительное развитие информационных технологий сопровождается столь же стремительным ростом количества новых видов киберпреступлений (преступлений, совершаемых с использованием компьютерных сетей), а также усложнением способов совершения уже известных науке уголовных противоправных деяний.

Совершенствование правоприменительной практики сегодня требует разработки и включения в нормы, предусмотренные действующим уголовным законом (в частности, примечание к статье 158 УК РФ), положений, разъясняющих криминообразующие признаки известных составов преступлений, которые позволят правоприменителю осуществлять эффективную дифференциацию, а также проводить точную квалификацию этих преступлений.

¹ Приговор Советского районного суда г. Улан-Удэ Республика Бурятия от 22 сентября 2015 г. по делу № 1-715/2015.

² Приговор Первомайского районного суда Оренбургской области от 8 июля 2016 г. по делу № 1-58/2016.

Список литературы

1. Поветкина Н. А. Правовая форма интеграции информационных систем и информационных технологий в сферу публичных финансов // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 96–112.
2. Савенков А. Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 5–18.
3. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
4. Трунцевский Ю. В., Ефремов А. А. Цифровая интеграция – путь в будущее // Международное публичное и частное право. 2018. № 1. С. 6–12.
5. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых против собственности : учебное пособие / [А. В. Пузарин и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. 185 с.
6. Осокин Р. Б. Уголовно-правовой анализ субъективных признаков мошенничества // Научные труды. Российская академия юридических наук. М. : Юрист, 2003. С. 574–581.
7. Осокин Р. Б., Амельчаков И. Ф. Хищение путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество): история, элементы и признаки состава, квалификации. Тамбов : Тамбовский государственный технический университет, 2005. 128 с.
8. Осокин Р. Б. Обман и злоупотребление доверием как способы совершения мошенничества // Правовое обеспечение устойчивого развития российского общества : доклады и сообщения III Международной научно-практической конференции. М. : Российский государственный гуманитарный университет, Институт экономики, управления и права, юридический факультет, 2003. С. 388–391.
9. Осокин Р. Б. Особенности уголовно-правовой характеристики способов совершения мошенничества // Актуальные проблемы правовой реформы в Российской Федерации : Посвящается 10-летию образования Содружества Независимых Государств и 10-летию Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации. М. : Академия налоговой полиции ФСНП России, 2002. С. 348–351.
10. Русскевич Е. А. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации хищений с банковского счета потерпевшего, а равно в отношении электронных денежных средств // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4(72). С. 29–33.
11. Заседание Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: http://www.vsrfr.ru/press_center/news/26093/ (дата обращения: 06.12.2019).
12. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (EST № 185) от 23 ноября 2001 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь (с изм. и доп. от 05.01.2015). Минск : Национальный центр правовой информации, 2015.

Шумилова В. В.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА И БЕЗНАЛИЧНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ОТДЕЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ В ПОНИМАНИИ ТЕРМИНОВ

Объективным и неизбежным процессом активного и повсеместного внедрения цифровых технологий в нашу жизнь стало появление и расширение использования цифровых финансовых инструментов, их легализация и интеграция в национальную экономику. К данным инструментам следует отнести прежде всего безналичные денежные средства и электронные денежные средства, которые явились результатом «процессов дестафации денег – замены вещественных форм средств обращения и платежа электронными средствами».

Сразу стоит заметить, что электронные денежные средства по своей правовой природе весьма схожи с безналичными денежными средствами. Правовым основанием, позволяющим отождествлять эти две формы денежных средств выступает Письмо Банка России от 20 декабря 2013 г. № 249-Т, в соответствии с которым электронные денежные средства – это безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте, учитываемые кредитными организациями без открытия банковского счета и переводимые с использованием электронных средств платежа. Организация операций с использованием электронных денежных средств напоминает систему банковских безналичных платежей, однако имеет свои особенности.

Во-первых, расчеты посредством электронных денежных средств производятся в рамках электронной платежной системы. По общему правилу, право требования управомоченной стороны по денежному обязательству к оператору электронных денежных средств может быть передано исключительно с использованием электронных средств платежа (ст. 3 Федерального закона № 161-ФЗ).

Во-вторых, основанием возникновения правоотношений по поводу безналичных денежных средств является договор банковского счета (вклада), в то время как основанием возникновения правоотношений по переводу электронных денежных средств является прямо непоименованный в гражданском законодательстве договор об осуществлении переводов электронных денежных средств, заключенный между оператором электронных денежных средств, управомоченным оказывать соответствующие услуги по переводу электронных денежных средств на основании лицензии, выданной Банком России, без открытия банковского счета, и клиентом - физическим лицом, юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем. На практике встречаются следующие названия указанного договора: соглашение об осуществлении перевода денежных средств без открытия счета, соглашение о трансфере имущественных прав цифровыми титульными знаками, договор об осуществлении переводов денежных средств

¹ © Шумилова В. В., 2022.

без открытия банковских счетов и информационно-технологическим взаимодействием и др.

При этом договор об оказании платежных услуг по переводу электронных денежных средств имеет самостоятельный характер и составляет особый тип договора. Банковский счет клиенту при осуществлении оператором электронных денежных средств учеты электронных денежных средств не открывается, денежная стоимость непосредственно фиксируется на информационном носителе, а оператором формируется только запись, отражающая размер обязательства перед клиентом в размере предоставленной им суммы (ч. 4, ст. 7 Федерального закона № 161-ФЗ). При этом учет прав требований клиента по денежному обязательству к оператору электронных денежных средств производится в порядке, отличном от учета прав требования клиента по денежному обязательству, возникшему из договора банковского счета (вклада), на специальном электронном кошельке.

Данный признак в Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» назван в качестве основного правового критерия, позволяющего выделить электронные денежные средства в самостоятельную форму безналичных расчетов. В то же время, по мнению Т. В. Дерюгиной и Л. А. Чеговадзе, указанное различие договора банковского счета и договора, заключенного с оператором электронных денежных средств, носит не столько правовой, сколько технический характер, поскольку содержание правоотношений, возникающих относительно оборота безналичных и электронных денежных средств, а также предметы регулирования по названным договорам – действия по принятию и зачислению денежных средств, а также выполнению распоряжений клиента об их перечислении, схожи. Также авторы указывают, что запись, формируемая при заключении договора с оператором электронных денежных средств, по своей сути тождественна записи на счете в банке, а также отмечают, что организации, выступающие в качестве одной из сторон в подобных договорных отношениях, имеют сходный правовой статус, обусловленный отнесением их к кредитным организациям.

В-третьих, клиент предоставляет денежные средства оператору только в целях исполнения своих денежных обязательств перед третьими лицами (п. 18 ст. 3 Федерального закона № 161-ФЗ), в то время как безналичные денежные средства могут приниматься банком и для проведения других операций по счету (ч. 1 ст. 845 ГК РФ), в том числе не связанными с расчетным обслуживанием и осуществлением перевода денежных средств: на основании заключенных с клиентов договоров банк осуществляет «хранение», сбережение и приумножение (в то время как электронные денежные средства являются беспроцентным обязательством и не предполагают выплаты процентов своим держателям в соответствии с п. 5 и п. 6 ст. 7 ФЗ № 161-ФЗ, где законодателем прямо установлен запрет на увеличение остатка электронных денежных средств клиента или начисление на него процентов) денежных средств клиента, выдача которых осуществляется по истечении определенного договором срока либо по требованию клиента (ст. 834 ГК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»), доверительное управление денежными средствами клиента (п. 3 ч. 3 ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»)

и других. Также в соответствии с ч. 2 ст. 845 ГК РФ банк может использовать имеющиеся на счете клиента денежные средства, однако при этом обязан гарантировать право клиента беспрепятственно распоряжаться этими средствами.

В-четвертых, эмиссия электронных денежных средств является особым видом финансовой деятельности. Эмитенты (операторы) электронных денежных средств являются специальными институтами, к которым применяется особый порядок регулирования и контроля за их деятельностью. При этом эмитентами электронных денежных средств могут быть не только банки, но и небанковские кредитные организации.

В-пятых, оператор системы электронных денежных средств является и эмитентом, и основным координатором отношений между участниками складывающихся правоотношений, в то время как банк по договору банковского счета (вклада) играет скорее только техническую роль. В результате исполнения договора об оказании услуг по переводу электронных денежных средств создается (эмитируется) новый объект прав – электронные денежные средства, в то время как исполнение договора банковского счета предполагает лишь изменение одной формы денег на другую. Однако и электронные денежные средства выпускаются при получении классических денежных средств в объеме, не меньшем, чем эмитированная денежная стоимость электронных денежных средств, так что и банковская система автоматически становится участником процесса электронного денежного обращения.

Итак, анализ определения понятия «электронные денежные средства», данного законодателем в Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», не позволяет говорить о принципиальных различиях правовой природы таких объектов расчетных правоотношений, как электронные денежные средства и безналичные денежные средства. Однако несмотря на то, что правоотношения, возникающие между оператором по переводу электронных денежных средств и клиентом, являются смежными по отношению к правоотношениям, возникающим между банком и клиентом по договору банковского счета (вклада), электронные денежные средства являются не разновидностью безналичных денежных средств, а новым самостоятельным способом осуществления безналичных платежей.

Список литературы

1. Банки России: современный инструментарий и виртуальные технологии развития : учебное пособие / [М. Ю. Андреева и др.]; под ред. В. Г. Белкина, Л. И. Вотинцевой. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2021. 359 с.
2. Дерюгина Т. В., Чеговадзе Л. А. Деньги и денежные средства: от бестелесных до электронных // Право и бизнес: обеспечение баланса правовых интересов предпринимателей, потребителей и государства : сборник материалов X Международной научно-практической конференции. М. : Российский государственный университет правосудия, 2022. 570 с.

3. Дерюгина Т. В., Чеговадзе Л. А. Правовая природа электронных денежных средств // материалы Международного круглого стола «Умные технологии правового обеспечения конкурентоспособной предпринимательской среды», Международной научно-практической конференции «Судопроизводство в Российской Федерации и за рубежом: вопросы истории и проблемы совершенствования». Волгоград, 2021. № 3. С. 15–19.
4. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (в ред. от 01.12.2021 г.) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.
5. Письмо Банка России от 20 декабря 2013 г. № 249-Т «О предоставлении клиентам – физическим лицам информации об особенностях оказания услуг по переводу электронных денежных средств» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157490/ (дата обращения: 27.04.2022).